
18+
Эльвира Осетина
Я ненавижу тебя!
Книга четвертая

Эльвира Осетина

Я ненавижу тебя! Книга четвертая

«Издательские решения»

Осетина Э.

Я ненавижу тебя! Книга четвертая / Э. Осетина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654894-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Последняя книга серии «Я ненавижу тебя!»Маша и Влад, Лина и Герман, Михен и Геля. Чем же закончатся их сложные взаимоотношения? Все три пары совершили очень много ошибок за свою жизнь. Каждый из героев в чем-то виноват — друг перед другом, или перед собственной совестью. Смогут ли они простить друг друга? А самое главное смогут ли они простить самих себя?Серия завершена полностью!Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-654894-7

© Осетина Э.
© Издательские решения

Содержание

АННОТАЦИЯ 6
Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 21
Глава 4 28
Глава 5 36
Глава 6 43
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Я ненавижу тебя! Книга четвертая

Эльвира Осетина

© Эльвира Осетина, 2025

ISBN 978-5-0065-4894-7 (т. 4)
ISBN 978-5-0064-4249-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АННОТАЦИЯ

Последняя книга серии «Я ненавижу тебя!»

Маша и Влад, Лина и Герман, Михен и Геля. Чем же закончатся их сложные взаимоотношения? Все они совершили очень много ошибок. Каждый из героев в чем-то виноват. Друг перед другом или перед собственной совестью. Смогут ли они простить друг друга? А самое главное, смогут ли они простить самих себя?

Предупреждения: Осторожно! Сцены насилия и жестокости! Нецензурная лексика! Подавление личности, унижение, откровенные сцены секса, строго 18+

Серия ЗАВЕРШЕНА!

Глава 1

«Я подарю тебе цветок,
Чтобы вернуть тебя…»

Андрей завернул потерявшую сознание девушку в покрывало, сверху своей ноши положил папку с документами, что она оставила в коридоре, и понес на выход, прислушиваясь к разговорам по рации.

На лестничной площадке мужчина оглянулся на своего бывшего коллегу. Он прислонил его тело в полусидящем состоянии к стене, но из-за собственного веса оно съехало на пол, неестественно завалившись на бок. Глаза мужчины были полуоткрыты, их уже заволокло полупрозрачной пленкой, а изо рта стекала тоненькая струйка крови.

Через секунду Андрей уже потерял интерес к мертвому и, убедившись через разговоры по рации, что все, кто следил за домом, уехали разбираться со смертью Мирова, быстро вынес свою ношу и положил на заднее сиденье поддержанной Хонды, припаркованной у подъезда. Стоило ему закрыть дверь, как к дому подъехал Лисовский и, выскочив из машины, рванул в подъезд.

Андрей выругался, жалея о том, что ублюдок не приехал раньше и он не успел его прикончить в подъезде, где нет камер и свидетелей, но, понимая, что время уже упущено, мужчина, натянув кепку почти на глаза, сел в машину и медленно, чтобы не привлекать к себе внимания, выехал со двора.

Девушка на заднем сиденье застонала.

– Влад… – позвала она опять Лисовского, но в ответ услышала совсем другой голос:

– Потерпи, Стелла, мы скоро приедем, я отвезу тебя в больницу, все будет хорошо.

– Больно… – тихо прошептала Маша, сжимаясь в комок.

Мужчина сжал руль с такой силой, что еще немного – и тот бы хрустнул. Андрей порадовался, что Миров сдох сам. Как же сильно он мечтал этого подонка порезать на ленточки! Сколько лет… Но Стелла всегда была против… Хотя, с другой стороны, терпеть маленького ублюдка Лисовского он бы тоже не смог, так что в какой-то степени Миров оказал ему неоценимую услугу. А Стелла теперь будет принадлежать только ему. Главное сейчас – добраться до больницы, пусть ее почистят, а потом они вместе уедут.

Он давно должен был так поступить, но Стелла…

Андрей сглотнул несколько раз, стараясь контролировать собственные чувства. Слишком сильно он любил ее… и не мог заставить себя сказать ей хоть слово против… С тех самых пор, как она помогла ему добраться до дома, одолжив свой платок, хоть они тогда и немного повздорили…

Маленькая рыжая девочка… она единственная пришла к нему на помощь… Вот только он не смог в то время отважиться рассказать ей о своих чувствах. Если бы он не был таким трусливым ушлепком, то, возможно, смог бы помочь ей…

Но… слишком много «но» было после…

Его неуверенность в себе, его страхи, его гордость, его злость, его глупость…

Осознание пришло к Андрею, только лишь когда он встретил ее мать в школе и узнал от нее, что маленькая рыжая девочка попыталась покончить жизнь самоубийством.

В тот момент он понял, что просто обязан что-то поменять в своей судьбе.

И Андрей поменял.

Во-первых, перевелся в другую школу, во-вторых, начал ходить в разные секции, учиться защищать себя и вновь верить в свои силы.

Лисовский умудрился практически уничтожить в нем личность. Но ради рыжей девочки Андрей понял, что сможет поменять себя…

Сначала было много ненависти и желания отомстить. Из-за этого Андрей попал в Чечню, а оттуда по контракту в Южную Осетию в самое горячее время. Вот только там приоритеты молодого и глупого парня сильно поменялись. Там, где черное становится белым, а белое черным, там, где судьбы людей перемалывает жестокая реальность, именно там он понял, что ненависти к Лисовскому больше нет, разве что презрение. Вот только вина перед маленькой рыжей девочкой и сожаление, что не смог побороть свои страхи и помочь ей, сохранились.

Андрей дал себе обещание, что если он останется живым, то найдет ее и хотя бы просто извинится…

Он прошел через ад и чудом смог вернуться. Вот только найти девочку не смог, потому что она умерла. Так гласила информация, которую он смог на нее раздобыть через связи, что приобрел на службе, а еще фотография на могиле. Та самая попытка самоубийства оказалась удачной. А ведь он мог ей помочь, попытаться защитить, уберечь… но он был слишком малодушен и труслив…

Андрей не смог жить с этой ношей на душе и понял, что хочет вернуться. Завербовался наемником и уехал из страны работать в горячих точках. Благо на земном шаре было много возможностей реализовывать свои силы. Люди любят убивать друг друга. К тому же за время службы он сумел заработать неплохой авторитет как отличный снайпер и неплохой разведчик.

Однажды судьба опять вернула его в Россию. Очередной заказ, очередная война, только в маленьком масштабе.

Андрей пришел поговорить с нанимателем и увидел ее… Стеллу…

***

Маша открыла глаза, и воспоминания тут же нахлынули на нее. Инстинктивно она попыталась поднять руку и прижать ее к низу живота, чтобы защитить своего ребенка, но так и не смогла ей пошевелить. И не только рукой, все тело будто было не ее и какое-то задеревеневшее. Перед глазами девушки, кроме белого потолка, больше ничего не было, приподняться не получилось, челюсть тоже не шевелилась, и голоса не было. Маша даже застонать не могла.

Кое-как преодолевая собственную слабость, будто пытаясь сдвинуть неподъемную бетонную плиту, она все же смогла повернуть голову и увидела перед собой смутно знакомого мужчину. Он сидя спал в кресле рядом с ее кроватью. Маша проследила за его рукой, которая лежала на койке, и осознала, что он держит её ладонь.

Она ничего не могла понять.

Почему этот мужчина рядом?

О том, что случилось, она хорошо помнила, но эти воспоминания были от нее где-то далеко.

«Наверное, я под обезболивающими и успокоительными», – смогла догадаться девушка.

Мария изо всех сил попыталась двинуть пальцами руки, навязчивая идея защитить то, что было внутри, и самой защититься все еще не покидала ее.

Андрей почувствовал, что прохладные тоненькие пальцы в его руке дрогнули, и тут же открыл глаза.

– Ты очнулась, – выдохнул с облегчением он и, наклонившись ближе, поцеловал растерянную девушку прямо в губы.

Маша попыталась бы увернуться, да у нее просто не было сил.

– Слава богу, – прошептал он, продолжая осторожно прикасаться к ее лицу мягкими поцелуями и гладить по волосам. – Как же я рад, что все закончилось, – с нежностью в голосе сказал мужчина.

Знакомый незнакомец широко улыбнулся ей, а затем, встав с кресла, поднял с пола какую-то черную папку. А Маша мгновенно вспомнила, что в ней было, а также весь разго-

вор с Владом. Но эти воспоминания просто пронеслись в ее голове как нечто несущественное и не особо важное, абсолютно не задевая ее эмоционально. Было и было…

– Ты сделала это, ты добилась того, чего хотела! – прервал ее вялые размышления мужчина. – Ты утерла нос этому мудаку! – радостно потряс он в воздухе папкой. И тут же со злостью в голосе прорычал: – Жаль только, что я не успел переломать этому сучаре Мирову все кости! Он выбежал на дорогу, и его раскатало каким-то грузовиком. Этот ублюдок сдох, не пришлось об него руки марать. Стелла! Ты теперь свободна! Слышишь меня? И от Лисовского, и от Мирова, и даже от Солейко. Его помощник тоже перевел тебе деньги. И у тебя есть все, что ты хотела, эти бумаги очистят тебя перед законом, и их уже не оспорить, я все проверил, тут нотариус все заверял. Мы теперь сможем уехать, как и мечтали. Любимая…

Мужчина опять наклонился и припал к губам Маши с нежным поцелуем. Вот только она этого уже не замечала, она пыталась осознать все то, что он ей сейчас рассказал. О том, что помощник Солейко перевел ей какие-то деньги, и о том, что Сергей мертв. Последняя новость выбила весь воздух из ее легких, и Маша поняла, что просто не справляется с действительностью. Паника охватила ее, и она потеряла сознание.

В следующий раз, когда Маша пришла в себя, она долго лежала с закрытыми глазами и чувствовала, как болит каждая клеточка её тела. Впрочем, физическая боль была не такой сильной, как психологическая.

Ведь если все то, что сказал ей мужчина, правда, то это означает, что Маша, сама того не понимая, убила собственного мужа. Отца ее дочери. А также подставила Лисовского и каким-то образом получила за это деньги от помощника Солейко.

Маша вдруг вспомнила его взгляд и прикосновения. Ей ведь тогда казалось, что она уже знала этого человека и явно где-то с ним встречалась. Теперь стало понятно его странное поведение по отношению к ней.

Если бы не физиологические потребности, то она бы еще долго так и лежала с закрытыми глазами и пыталась справиться со своей болью.

Странный мужчина опять был рядом. Она вспомнила, кто он такой. Дома у Влада он помог ей не свалиться с лестницы и называл себя Джеймсом Бондом, а потом пришел к ней домой, когда она лежала там в крови…

– Ты очнулась? – нависнув над ней, с тревогой в голосе спросил Андрей, а Маша осторожно кивнула, чувствуя, что сил стало намного больше. – Это хорошо, Семеныч сказал, что тебе еще дня два-три надо побыть в больнице под наблюдением.

– Я… потеряла ребенка? – еле ворочая неподъемной челюстью, спросила она.

– Да, – ответил мужчина и отвел глаза в сторону, – но ты не переживай, срок был совсем маленький – всего две недели, тебя быстро почистили.

Маша закрыла глаза и сглотнула подступивший к горлу комок.

– Стелла, ты хочешь чего-нибудь? – тихо спросил мужчина и осторожно погладил ее по руке.

Маша открыла глаза и попыталась привстать.

– Тебе еще рано, – тут же придержал ее мужчина за плечи, – ты если в туалет хочешь, то я сейчас принесу судно.

Маша и правда не чувствовала, что у нее хватит сил добраться до туалета, но и ходить в судно ей тоже не хотелось. Однако Андрей уже принес ей его и ловкими отработанными движениями убрал с нее простыню, приподнял ее тело двумя руками, задрал больничную сорочку и подложил под нее судно. Как оказалось, нижнего белья под сорочкой не было.

Маша отстраненно подумала, что, наверное, надо испытывать стыд в таких случаях, но почему-то его не было, и понять, почему она не стеснялась этого незнакомца, не получалось.

Через несколько минут он забрал ее судно, и опять Маша не ощутила смущения. Ей вообще казалось, будто она знает этого мужчину тысячу лет.

Все эти мысли помогли ей отвлечься от того, что она узнала. Психика Маши в который раз, спасаясь от болезненных воспоминаний и нежелания принимать действительность, решила защититься и думать о чем угодно, но только не о том, что случилось.

– Как вас зовут? – прошептала она, когда мужчина вернулся из ванной комнаты.

Он резко замер при ее вопросе и с удивлением посмотрел на девушку.

– Как ваше имя? – чуть громче сказала она и подняла руку, чтобы потрогать челюсть, потому что та ужасно болела.

Мужчина мгновенно оказался возле кровати и схватил ее ладонь, не давая дотронуться до лица.

– Не стоит, там у тебя мазь заживляющая, испачкаешься, – объяснил он ей на ее вопросительный взгляд.

Андрей медленно сел в кресло и внимательно посмотрел на девушку, лежащую перед ним.

– А как твое имя? – вместо того, чтобы ответить на ее вопрос, спросил он ее.

Маша попыталась хмыкнуть. Разговор с этим мужчиной был более чем странный.

– Мое имя Мария. Мирова Мария Николаевна.

Мужчина как-то странно, изучающе смотрел на нее минут пять, будто пытаясь пробраться в ее мозг и что-то там найти. И когда Маша уже решила, что он так и не ответит на ее вопрос, он все же заговорил:

– Ну, здравствуй, Маша, мое имя Андрей. Самойликов Андрей Федорович.

Он смотрел на нее какое-то время, ожидая, что она вспомнит его имя, но узнавания в ее взгляде так и не нашел. Почему-то это сильно резануло по его мужскому самолюбию, и, скрипнув зубами, мужчина уточнил:

– Мальчик, которого избили… и которому ты дала платок и помогла добраться до дома.

Вот теперь в Машиных глазах появилось узнавание.

– Андрей? Прости, я не знала твоего имени.

Андрей усмехнулся.

– Ну хоть меня-то ты помнишь?

– Да, конечно, помню. – Маша отвела глаза, стискивая пальцами простыню.

Ей было очень стыдно перед ним. Еще тогда, в детстве, он ведь пытался ей объяснить, кто такой Влад, но она не пожелала его слушать. Вот теперь до сих пор пожинает плоды своей тупости.

– Почему ты здесь? Возишься со мной? И почему называл меня Стеллой? – спросила она его, лишь бы не молчать и избежать тяжелых воспоминаний.

Андрей опять замолчал на какое-то время и задумался.

Сейчас он ведь мог сказать ей что угодно. Все равно правду он ей не позволит узнать. И, кроме того, если не появилась до сих пор Стелла, то, возможно, она уже не появится? А если и появится, то Андрей не будет ее слушать. После всего того, что случилось, она теперь будет полностью зависима от него и вернуться к Лисовскому точно не сможет. Уж он-то позаботился о том, чтобы тот все узнал про её «подвиги».

– Я нашел тебя в крови и привез в больницу, – осторожно подбирая слова, начал мужчина, – а Стеллой я называю тебя потому, что ты сама просила меня это делать.

Маша с недоумением посмотрела на него.

– Я? Когда?

– Пять лет назад, когда мы встретились с тобой в «Сабо».

Маша отвернулась и уставилась в стену, покрашенную белой краской, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь об этом, но в памяти было пусто.

– Что такое «Сабо»? – спросила она, опять повернувшись к мужчине.

– «Сабо» – это ресторан, – ровным голосом ответил Андрей, и его взгляд стал отстраненным, будто он погрузился в тот день, когда встретил ее.

– Я ничего этого не помню, – растерянно прошептала Маша. – Вы, наверное, спутали меня с кем-то?

– Нет, – ответил он ей и слегка улыбнулся, – я не ошибся. – Он наклонился и погладил ее по волосам. – Твоя болезнь, Маша… – Он накрыл ее лоб своей большой и шершавой ладонью. – Ты ведь знаешь о том, что больна? – Маша расширила глаза, смотря на мужчину со страхом. – Это она не дает тебе вспомнить. Но ничего страшного, я нашел выход, я помогу тебе вернуть себя. Я отправлял твои снимки одному известному хирургу. Он сказал мне, что попытается тебе помочь.

Он опять наклонился и нежно поцеловал ее в губы, а затем чуть выше, скользя по скулам, чувствуя соленый вкус слез девушки. И опять Мария не захотела отворачиваться, потому что эти губы были слишком знакомыми…

Затем он поправил её одеяло и вышел из комнаты, сказав, что скоро вернется.

Все это время, пока Андрея не было, Маша пыталась осознать все то, что случилось.

Мысли ворохом кружились в ее голове. С ужасом она поняла, что та ярко накрашенная и излишне агрессивная девица в ее сне и есть Стелла. Но это означало лишь одно: у Маши есть еще одна личность, о которой она даже и не подозревала. И эта личность умудрилась целых пять лет общаться с Андреем… за ее спиной?

И, судя по уверенному поведению мужчины, а также ее собственным ощущениям, общалась она с ним очень близко.

Маша вспомнила его лицо и спортивную фигуру. Она бы ни за что на свете не догадалась, что тот вечно затюканный худой мальчик, над которым издевался Влад, смог стать таким…

Через двадцать минут Андрей вернулся с подносом в руках. После того как она смогла попить через трубочку куриного бульона, а также принять таблетки, Маша спросила его:

– Что будет дальше?

Андрей пожал плечами и будничным тоном произнес:

– Как мы и планировали, уедем в Италию.

Маша нахмурилась.

– Я этого не планировала, – тихо ответила она. – К тому же у меня есть дочь и работа.

Андрей многозначительно вздохнул и посмотрел на Машу с жалостью, будто она чем-то смертельно больна.

– Маша, тебе придется забыть на время о своей дочери – скорей всего, года на два или три, не меньше. А о работе – так вообще навсегда.

– Это еще почему? – непонимающе посмотрела она на Андрея.

– Потому что если Лисовский увидит тебя живой, то ты опять окажешься в его подвале, и поверь, на этот раз выйдешь из него по частям.

Маша в ужасе посмотрела на мужчину.

– Но ведь он меня отпустил! – попыталась воскликнуть она, но тут же схватилась за челюсть, так как та заныла.

– Тише, не кричи, – опять перехватил ее ладонь Андрей, чтобы девушка не прикасалась к своему лицу, хирург запретил стирать мазь в течение двух дней. – И не трогай руками, а то еще хуже сделаешь. Это специальная мазь, очень хорошая, для заживления сильных ушибов и против гематом. А что касаемо Лисовского… Если он тебя отпустил, так зачем же он тогда твоему мужу подсунул ту запись? Ты об этом не задумалась? А?

Маша отвела взгляд и обняла себя, чувствуя, как по телу разливается, словно кислота, понимание. Влад подставил ее специально.

– Скорее всего, – продолжил Андрей, – он все узнал. О том, что ты подставила его, и решил избавиться от тебя руками Мирова. Наверняка он узнал о том, что твой муженек по всякому поводу и без любил распускать свои руки.

– О чем ты? – непонимающе уставилась на него Маша. – Сергей никогда…

Маша резко прервалась, видя, как мужчина качает головой и смотрит на нее опять как на смертельно больную.

– Какая же избирательная у тебя память, рыжик, – грустно вздохнул он. – Мне так жаль, что я не пришел вовремя, иначе я не позволил бы ему сотворить такое с тобой.

– Ты говоришь неправду, – прошептала Маша, ошарашенно смотря на Андрея, – Сергей любил меня.

– Да, – Андрей презрительно хмыкнул и откинулся в кресле, – конечно, любил, а еще он был жалким неудачником, который сидел на твоей шее, еще и распускал свои руки. Если бы Стелла мне позволила, то я бы уже давно разобрался с этой сволочью, – со злостью в голосе процедил он.

А Маша уже и не знала, во что ей верить. Она смотрела на Андрея, но откуда-то понимала, что он не врет, что все, о чем он говорит, – абсолютная правда. Вот только как она могла забыть? Почему?

– Маша, мы уедем в Италию, – продолжил говорить мужчина, хотя Маша уже почти не слышала его, погрузившись в собственное отчаяние. – Твоими деньгами пока что пользоваться не будем. Моих вполне хватит, поверь, я успел много заработать. Я через знакомых чуть позже переведу твои деньги в офшор, процентов тридцать, наверное, потеряешь, но оно того стоит. Однако сначала все должно улечься. О тебе забудут. Я уже все придумал, подкину им труп. Они его найдут здесь же, в этой больнице, главврач мне должен, он поможет всё решить. Документы потеряются. Подходящее тело мы уже нашли. Это большая удача. Девушку доставили сильно избитой, все лицевые кости переломаны, да и не только лицевые. Она умерла от внутреннего кровотечения. Еще и рыжая. Пока они разберутся, что это не ты, пройдет достаточно времени, чтобы мы с тобой смогли скрыться. Документы на имя Стеллы Самойликовой, мой жены, уже давно готовы. Как и загранпаспорт.

– Что? – услышав знакомую фамилию и имя, Маша наконец-то вынырнула из собственных мыслей.

Андрей вздохнул и опять с грустью и жалостью посмотрел на девушку.

– Стелла, ты хоть что-то услышала из того, что я тебе только что говорил?

– Слышала, ты говорил про мою фамилию, я не совсем поняла…

– Да, мы с тобой женаты, – улыбнулся Андрей, а его лицо стало таким счастливым, будто он наконец-то выиграл самый долгожданный приз в своей жизни. – Так гораздо проще оформить гражданство. А года через три мы вытащим твою дочь. К сожалению, сейчас нам нельзя к ней приближаться: что Лисовский, что Солейко наверняка оставили слежку за твоими родителями.

– А родители – разве им не грозит опасность? – вздрогнула Маша, с ужасом вспомнив об угрозах Влада.

– Нет, любимая, – Андрей переменил позу в кресле и, наклонившись, накрыл машину руку своей в надежде успокоить, – им сейчас будет не до этого, ты смогла столкнуть их лбами, и они будут разбираться между собой. А за твоими родителями просто следить. Да и нет им смысла что-то делать. Но вот если появишься ты, тогда да. Тогда ты точно подвергнешь опасности и родителей, и дочь.

Маша почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы от понимания, что ей придется бросить Леночку. Оставить ее совсем одну.

– Надо ей хотя бы письмо написать, – с мольбой в глазах прошептала она Андрею.

– Нельзя, – покачал он головой, – ты же и сама это понимаешь.

Маша всхлипнула и, вытащив свою руку из теплой ладони Андрея, со злостью в голосе бросила:

– Нет! Не понимаю! И вообще я тебе не верю! Ты все врешь!

– Маша… – растерянно ответил мужчина.

– Нет! Нет! Нет! – Она замотала головой, чувствуя, что паника и отчаяние все сильнее и сильнее захватывают ее.

Она не хотела бросать дочь, она не хотела знать о том, что Сергея больше нет, и о том, что ее жизнь была совсем не такой, о которой она думала.

– Вся моя жизнь была иллюзией! Я так не хочу! – выкрикнула она, хватаясь за голову. – Я не к этому стремилась! Я хотела другой жизни! Сергей любил меня!

Андрей вскочил со стула, понимая, что у Маши начинается истерика, и бросился в коридор, вернулся он уже с медсестрой. Он схватил ее за руки и прижал, пока медсестра быстро сделала ей укол успокоительного со снотворным.

– Все будет хорошо, Стелла, – прошептал он уже засыпающей девушке, – все будет хорошо… я обо всем позабочусь…

Глава 2

Петрович, потрепанный жизнью бывший военный-отставник, а также негласный лидер в маленькой бригаде из трех человек, старался, как можно быстрее завершить внезапный калым. На горизонте уже маячили неплохие деньги. А деньги – это же в первую очередь выпивка и отличный закусон. Его-то пенсию жена всю отбирает, вот и приходится хоть так зарабатывать, благо смог на кладбище с ребятами в свое время сдружиться. А то ведь неизвестно бы, как и выживал, с такой-то цербершей, как Степановна.

В народе ведь как говорят: «Утром выпил, считай, день прожит не зря».

Петрович же с утра еще ни капли в рот не брал, а время уже почти обед. Непорядок! Хорошо хоть, калым подвернулся. Вовремя.

Единственное, что его напрягало, так это клиент, нависающий над ними хуже черных туч, которые этой осенью бесконечно кружили над Москвой. Очередной олигарх с недовольной рожей не пожелал дожидаться в машине, а стоял и смотрел, как он тут с мужиками батрачит. Петрович ненавидел этих богатеньких ублюдков, разворовавших всю страну. Вот из-за таких, как он, ему пенсию и не повышают толком! И эти карты придумали! На которые пенсию переводят…

То ли дело раньше было: пришел, на руки получил – и делай что хочешь, а сейчас? Степановна, зараза такая, сразу карту отобрала… И теперь деньги хрен увидишь…

А этот еще и молодой, наверняка уже с серебряной ложкой во рту родился. Так бы и зарядил лопатой. Но ведь он же, сучара, не один, он же с охраной. Народу с собой притащил – целых десять человек! И куда, спрашивается, столько?

Еще и могилку девочки какой-то ворошит. Ребенка! Тьфу! Безбожник! И не стыдно ведь ему? Наверняка какой-нибудь еще и извращенец. Степановна вечно про этих олигархов в газетах читает и говорит, что все они с жиру бесятся! Тьфу! Даже думать противно!

И, передёрнувшись, Петрович решил не думать, а быстрее махать лопатой, лишь бы получить деньги, пойти уже купить себе долгожданную бутылку и закуски немного да с ребятами посидеть по-человечески. А то ведь так и до греха можно додуматься.

Влад смотрел на постепенно увеличивающуюся гору из черных комьев земли и чувствовал обжигающую ненависть, злость и негодование с каждой минутой все сильнее и сильнее. Холодный влажный ветер трепал полы его плаща, стараясь забраться под одежду и отобрать тепло. Но не ветер был причиной настроения Лисовского. А его собственные решения, которые превращали все вокруг в пепел, что черными хлопьями валился на его уставший разум.

Прошла неделя с тех пор, как пропала Маша.

Семь дней.

Семь гребаных, мать его, сраных долгих дней!

Влад отошел на несколько шагов от рабочих, что, недовольно пыхтя, выполняли свою работу, и сел на лавочку возле могилы родителей. Медленно сквозь стиснутые зубы он выпустил воздух, пытаясь успокоить собственные нервы. Подавшись вперед, Влад локтями уперся в колени и, сжав пальцами левой руки переносицу, закрыл уставшие от недосыпа глаза.

За эти семь дней он столько всего узнал о Маше, что у Влада сил уже не хватало и дальше сдерживать рвущуюся злость, бессилие и абсолютное непонимание самого себя и своих эмоций по отношению к ней, её поступкам, к себе и всей ситуации в целом.

События семи дней, как стеклышки калейдоскопа, складывались в причудливые узоры в его памяти.

Первое событие – это кровь… Море крови в коридоре квартиры Маши. Вот только саму хозяйку квартиры он так и не нашел. Чья это кровь? Неизвестно… а позже стало ясно, что её. Особенно после того, как он увидел труп одного из людей дяди на лестничной площадке. Того,

кто должен был следить за Мировым и, в случае чего, остановить его. И как он его не заметил, пока бежал мимо?

Влад метался по квартире Маши, как загнанный зверь, и все никак не мог поверить, что ее нигде нет. С одной стороны, он чувствовал облегчение, что не видит ее тела, с другой – страх, что столько крови, а самой Маши нет.

Второе событие – это тяжелый разговор с дядей. Его откровения и аудиозапись того, как кричит Маша. Владу показалось, что он сам в тот момент вместе с ней умирал на том чертовом полу в коридоре в луже крови. В ее крови. Но нет, вместо этого он сидел в машине и ждал… ждал, когда его женщину избивают, лелеял свои обиды и надеялся…. На что надеялся?

А потом были невразумительные объяснения дяди, когда Влад пришел в себя, впервые напав на родственника.

– Я хотел защитить тебя от неё! – кричал дядя, когда их разнимала охрана. – Я сразу понял, что эта тварь пришла мстить! Она слишком опасна для тебя, Влад! Я же видел, что ты ни хрена не соображаешь. Она же тебе весь мозг выела. Я хотел, чтобы ее убил Миров, и надеялся, что убьёт! Она еще достанет тебя, попомни мои слова! Это расчетливая хитрая змея, полная злобы и ненависти к тебе!

Следующее событие – это просмотр всех видеозаписей с её участием.

Начиная с её беседы в ванной с собственным «я» и заканчивая разговором с Линой, бывшей медсестрой и подружкой Германа, в комнате.

Маша казалась лживой изворотливой сукой в одной записи и хрупкой, ничего не понимающей больной женщиной в другой.

Оказывается, она ночами обследовала его дом, часто заходила в его кабинет, подключалась к компьютеру и продолжала сливать информацию кому-то на почту. Но следы грамотно затирала.

Глупая девушка, хлопающая глазками, оказалась серьезным хакером и взломщиком. Любой пароль, любой замок не был ей преградой… Она орудовала всем, что под руку попадется. Канцелярские скрепки, шпильки для волос, стержни от ручек… Все в её руках превращалось в оружие или отмычку.

Мария даже в сейф его залезла и проверила документы, которые он подготовил для неё. А потом вытащила другие, которые были совсем не для неё, сфотографировала и опять кому-то отправила.

То есть она знала, что будет?

Но в ее глазах в тот момент не было понимания, она казалась такой искренней и растерянной.

Черт, даже тот ее срыв, когда она с пистолетом носилась босиком по тротуару и подбежала к выходу… И в тот момент она умудрилась выкинуть мини-флешку с информацией, которую ночью подобрал неизвестный. Влад понятия не имел, что там было. И этого неизвестного никто не заметил. А информация так до сих пор и не всплыла.

Дядя показал эти видеозаписи специалисту-психиатру, и тот сообщил, что у Маши серьезное психическое заболевание. Но судить о том, что это за заболевание, только лишь по видеозаписям он не пожелал.

– Мне нужно встретиться с ней и понаблюдать, и то со всей уверенностью я вам ничего не смогу сообщить. Есть такие люди, которые способны играть роли. И это тоже заболевание. А есть те, которые не играют, а считают себя другим человеком и порой даже не помнят ничего. На самом деле вариантов много, – развел руками мужчина, так толком ничего и не объяснив.

Следующее событие – это Солейко.

Этот мудак устроил целый цирк, в прямом эфире обзывая Влада последними словами и обвиняя его в мошенничестве и в махинациях с ценными бумагами. Он, конечно, ожидал, что Солейко будет бушевать, но не думал, что он решит сыграть на публику. И скандал он

этот не желал останавливать. Каждый день по всем каналам только и крутились его обвинения, пока, слава всем богам, только косвенные. Фактов он не предъявлял.

Весь интернет уже пестрил смешными мемами… И его, и Солейко.

Где эти стервятники умудрились найти столько фотографий? Влад понятия не имел. Мало того, что приходилось искать Машу, так еще и разбираться со всем этим дерьмом.

Но ублюдок не желал останавливаться, кажется, он готов был устроить информационную войну с Лисовским.

Из-за этого акции пришлось временно придержать и не оформлять вновь на себя. Теперь они находятся в подвешенном состоянии, а это совсем не комильфо для бизнеса.

Да и вся эта шумиха Лисовскому, мягко говоря, совершенно не нужна.

Он всегда старался не быть публичным лицом. Дед в свое время научил его держаться в тени.

«Лучше выставляй вперед гендиректоров или заместителей, особенно выгодно находить тех, которые любят камеры. Всегда направляй на них всю энергию, а сам старайся не маячить перед ушлыми стервятниками, иначе не заметишь, как изваляют в дерьме, потом и отмыться не получится», – всегда помнил он наставления деда.

Единственное, что удивляло Влада, так это то, что он не использовал ни капли информации, которую могла украсть Маша. Это было очень странно… Хотя Лисовский не исключал, что, возможно, Солейко оставил ее на десерт. А возможно, Маша с помощью подельника надеялась его шантажировать уже позже.

К сожалению, предугадать ее шаги он не мог. Влад осознал, что он действительно был слеп, пока рядом была она. Хотя и пытался держать ситуацию в руках, но в итоге все сам и похерил…

Следующее событие – это тело… Ее тело в морге.

Изувеченная рыжеволосая девушка ее возраста.

Но Влад слишком хорошо знал каждую родинку на теле Маши и сразу же нашел сотню отличий при опознании.

Однако чуть позже в этой же больнице он выяснил, что под именем Алиса Крушицкая попала в стационар похожая по описанию девушка, сильно избитая, с внутренним кровотечением. Выкидыш. Плоду всего две недели.

А затем сравнительный анализ по крови из квартиры показал, что это она и есть. Его Маша. Это она была доставлена неизвестным мужчиной.

Михаил предположил, что это был тот самый ее подельник, личность которого они так и не смогли установить. Он успел перед приходом Влада убить человека дяди, вынести ее из квартиры и доставить в больницу.

Они оба исчезли из клиники через четыре дня, ночью. Утром медсестра обнаружила пустую палату. Мужчина платил наличными за все лечение. Поэтому никаких документов, кроме медицинской карты, что завели врачи, не было.

А ребенок, которого она потеряла, явно был его. Влад это прекрасно понимал. За эти две недели он совсем потерял голову и забыл о предохранении напрочь. А кроме него, у нее из мужчин никого не было. Доказательства – видеозаписи в доме.

И получалось, что Влад позволил не только зверски избить собственную женщину, но и погубить своего ребенка…

Сам позволил…

И вот жизнь будто специально подвела итог всем событиям. И, словно в насмешку над Владом, вчера в его главном офисе появилась Машина мать.

Не узнать женщину он не мог.

Да, она постарела. И сильно постарела. Но это была она – Елена Васильевна, женщина, которую он запомнил еще в детстве, так как был очень частым гостем у них дома.

Влад усмехнулся, вспоминая свои визиты. Он был нежеланным гостем, и это мягко сказано. Он наслаждался тем, как мучает ее, наслаждался и сам не понимал, почему это делает. Сначала это была игра, а потом он понял, что уже не может без нее. Ощущение сродни одержимости. То, как она пряталась от него под кроватью, когда он однажды пришел к ним домой, а ее мать открыла ему и куда-то срочно ушла. Влад помнил, как вытаскивал ее… Как положил на кровать, повернул на живот… и…

Боже… она была ребенком, а что он с ней творил?

Да, можно сказать, что он тоже был ребенком, разница-то всего три года, но то, что он делал…

И вот теперь она мстила ему?

Или все же была больна?

Но ему казалось, что ей нравится…

Или он просто хотел в это верить?

Елена Васильевна – мать Маши – стояла в фойе и ждала его поздно вечером. Оказывается, она находилась здесь уже целый день, так как ее не пропускали, а ему не пожелали сообщать, ведь Влад всех предупредил, чтобы его не трогали по пустякам.

«Я прошу тебя, Влад, отпусти мою дочь, она серьезно больна», – сразу же перешла Елена Васильевна к делу, как только его увидела.

Странно, но все факты, о которых он узнал из видеозаписей с Машей, где она разговаривала со своим вторым «я», так и не заставили его до конца поверить в то, что она и есть его маленькая Машка. Та самая рыжая девчонка, на могилу которой он столько лет ходил и в чью смерть так безоговорочно поверил. Но приезд ее матери поставил точку в его заблуждениях.

Влад вытащил несколько фотографий из ее семейного альбома, которые он забрал у Елены Васильевны, из кармана своего плаща. И мысленно усмехнулся. Вот только его усмешка отдавала хинином на языке, и скулы сводило от горечи. Даже находясь здесь, на кладбище, и смотря на то, как разрывают ее могилу, он все еще продолжал надеяться, что она лежит там. Его маленькая Машка… Что она не превратилась в эту озлобленную интриганку, которая ворвалась в его жизнь только для того, чтобы отомстить и вновь сделать одержимым.

Но ее там не было.

Вместо тела маленькой девочки в пустом гробу лежало послание от старого подонка – его деда. Запаянный в полиэтилен пакет документов.

Забрав его, Влад сразу же пошел обратно к машине.

Когда из пакета первым вывалился маленький блокнот, до боли в душе знакомый ему, который он когда-то нашел на пороге той самой кондейки, где устроил концерт для Маши, а потом вновь потерял, Влад не выдержал и расхохотался. Натужным, скрипучим, сдавливающим грудь гортанным смехом.

Так не смеются, так давятся…

Собственной никчемностью, бессилием и болью…

Остановиться ему помогла Елена Васильевна, которая просто всунула ему в руки бутылку с водой.

– Пей и успокойся,… и скажи, где Маша.

– Не знаю, – тихо ответил он.

Выпив воды, Влад рассеянно открыл первую страницу блокнота и увидел знакомый цветок и слова:

«Я подарю тебе цветок,

Чтобы вернуть тебя…»

Всего лишь пара строк, написанных детским почерком. А ощущение такое, будто бритвой по сердцу…

Елену Васильевну ночью он посадил на самолет. А с кипой документов вернулся домой и сразу же поднялся в свой кабинет.

Просмотрев все бумаги, Влад опять расхохотался.

Маша по всем документам была еще одной наследницей. Главный пакет акций нефтяного холдинга, что создал его дед, был разделен на троих: Влада, потерянного сына и, как ни странно, рыжую кудрявую маленькую девочку.

Все документы были заверены нотариусом, а копии хранились в Швейцарии у юриста.

Стало ясно, что дед отдал на откуп это решение ему.

Зачем? Влад этого не мог понять…

Пока не увидел письмо…

«Здравствуй, мой дорогой внук. Впервые решил поговорить с тобой, потому что уже давно мертв. Мертвым проще разговаривать. Не будет упреков, не будет обвинений. Слезливых стенаний. А я всегда делал так, чтобы было проще. Ты хоть и стал мужиком, но в душе все равно так и остался тем маленьким избалованным мамочкиным сыночком, как бы я ни выбивал из тебя эту дурь….

Ну да ладно, речь не об этом.

Много ошибок я наделал, внук. Думал, что все делаю правильно.

Никак не мог позволить уничтожить то, что создавал годами, во что вкладывал столько сил. Из-за чего погибла твоя мать, из-за чего я потерял лучшего друга и приобрел сына, которого так и не смог найти.

Те документы, которые ты нашел, как ты понял, я оставил только для тебя.

Ты можешь их уничтожить, и они никогда не всплывут, юристы в Швейцарии надежнее самих швейцарских банков. Ты это и сам знаешь.

Но в случае, если ты встретишь когда-нибудь моего сына и ту маленькую глупую девчушку и если пожелаешь, то сможешь без проблем разделить акции.

Я хотел бы попросить у тебя прощения за то, что был излишне строг с тобой. Но я не буду этого делать.

Я воспитывал тебя так, как считал нужным. Ты должен был выжить, поэтому я не должен был идти на компромиссы. Тяжелые времена заставляют нас принимать тяжелые решения.

Поэтому я ни капельки не жалею, что сделал все то, что сделал.

Напоследок скажу лишь одно: не будь тряпкой! И не вздумай все просрать! Иначе я буду возвращаться к тебе в кошмарах и делать твою жизнь невыносимой!»

Отбросив письмо в сторону, Влад опять пересмотрел все документы. По его мнению, подкопаться было не к чему, все было оформлено по всем юридическим правилам.

Он подошел к сейфу и уже хотел убрать в него документы, но вдруг вспомнил ту запись, где рыжая плутовка вскрывала его. Блин, и ведь не одну ночь она своими шаловливыми ручками тут орудовала…

Влад еще раз посмотрел на документы и обратно убрал их в папку.

В сейфе их держать все равно бесполезно…

Бросив папку на стол, он вновь сел в кресле.

– Надо как-то найти Машку и поговорить с ней, – сказал он в пустоту.

Невероятно, но своим поступком дед помог ему. Ведь по всем законам морали и этики Влад был бы обязан убить Машу, виновата она или больна, но с этими документами, которые он сунет дяде под нос, никто уже не посмеет ее тронуть…

Всю эту неделю он мучился и пытался найти выход из этой ситуации. Дядя специально все выворачивал и выворачивал на него грязные подробности того, что сделала Маша.

Причем все эти подробности он и сам узнал совсем недавно. Кто-то передал ему целую кипу документов на нее. Кто-то очень заинтересованный выдал всю ее подноготную.

Но Влад понимал, что сам во всем виноват, что именно его поведение заставило ее так поступать.

А Михаил, как специально, прилюдно вываливал на Влада все новые и новые подробности. И все его отговорки в защиту Маши уже не срабатывали.

– Какая разница, виноват ты или нет перед ней? – с пеной у рта доказывал ему дядя. – Она навредила бизнесу! Вот что важно! Она столкнула тебя с Солейко! Вот что важно! И ты обязан ее убрать! Тебя просто не поймут, если ты этого не сделаешь, посчитают слабаком! Все вылетит в трубу!

Влад поднялся с кресла и начал ходить по кабинету, продумывая, как лучше ему поступить.

Можно сделать объявление по телевизору, сказав о том, что найдены документы и что она является наследницей. Возможно, Маша после этих слов сама объявится, хотя бы позвонит или напишет…

Влад резко остановился.

Но ведь тогда придется и обнародовать факт наличия еще одного наследника, который наверняка появится…

– Твою ж… мать, ах ты старый гондон! – расхохотался Влад и по привычке посмотрел в пол. – Ты, старый ублюдок, все знал? Ты все продумал? Понимал, что без одного я не смогу сделать другого?

«Нет, – решил Влад, – надо этот момент обдумать и поговорить все же с дядей, пусть предлагает варианты, как сделать так, чтобы все было законно, и пусть уже найдет Машку».

Глубоко вздохнув, Влад взял трубку и набрал комнату охраны.

Михаил появился через несколько минут и долго изучал документы.

Его тяжелый взгляд прошелся по лицу Влада. Он не одобрял действий своего дяди – Лисовского-старшего. Но с другой стороны, он его прекрасно понимал. Видимо, и в посмертии он не оставлял надежды найти своего сына. И знал, что Влад не захочет с ним делиться, но из-за рыжей вертихвостки у него просто не будет выхода.

– Ты хоть представляешь, что сейчас начнется? Ты представляешь, сколько объявится так называемых наследников? – устало посмотрел на двоюродного племянника Михаил.

– Я не идиот и прекрасно это понимаю, но достаточно провести экспертизу ДНК, и наследнички сразу отсеются, а доказывать они будут сами, так что мы не потратим ни копейки, разве что на юриста, которого отрядим заниматься этим делом, – пожал плечами Влад.

– А если появится настоящий наследник? Что ты будешь делать с ним?

Влад откинулся в кресле и посмотрел на пустой бар, запасы которого он исчерпал за эту неделю.

– Во-первых, это практически нереально. Если бы захотел, то он и раньше мог бы появиться. Но все же… если такое произойдет, то сначала глянем, что за фрукт, введем как наследника, пусть покатается как сыр в масле пару лет, а затем… ну мало ли что может случиться с человеком – передозировка, сердечный приступ, поперхнулся, в конце концов. Я что, должен тебя учить, дядя? – Влад внимательно посмотрел Михаилу в глаза. – Главное, чтобы этот ушлепок не вздумал сделать шаг влево или вправо. Приставим к нему побольше охраны, припугнем для начала как следует, заставим расслабиться, а потом…

Михаил Юрьевич покачал головой.

– А может быть, проще найти твою Машку, закрыть в каком-нибудь подвале – и играй с ней в любовь сколько влезет? А труп мы ее и так нашли, официально она уже мертва.

Влад поморщился, вспомнив о том, как ходил на опознание. Эта картина до сих пор иногда преследует его в кошмарных снах.

Рыжая девушка с похожей комплекцией, но не она.

Чувство облегчения затопило его тогда с головой, когда он понял, что это не Маша.

Но страх и кошмары так и остались.

– Нет, – жестко сказал он, глядя Михаилу в глаза, – я виноват перед ней, и я сделаю все, лишь бы она вернулась. К тому же это не только моя воля, это воля твоего любимого дяди, – на слове «любимого» Влад сделал акцент, так как знал, с каким боготворением Михаил относился к деду. И от этого его всегда откровенно подташнивало. – Да и… ты же понимаешь, никто реальной власти ей не даст. Я сам буду следить за ней и контролировать.

Михаил устало хмыкнул и посмотрел на Влада как на смертельно больного.

– После всего того, что эта красавица сделала, ты мне говоришь, что сможешь ее контролировать? Да… – покачал головой мужчина. – Она, похоже, окончательно тебе весь мозг выела.

Влад поджал губы и зло сверкнул глазами на родственника.

– Может быть, хватит уже? – сквозь зубы процедил он.

Михаил еще какое-то время смотрел в глаза племяннику, а затем, встав с кресла, молча похромал к двери, но, уже выходя из кабинета, он обернулся на пороге и сказал лишь одно:

– Ты идиот.

Глава 3

Лина впервые поймала себя на мысли, что скучает и всерьез обижается на Германа. Настолько, что даже хочется самой позвонить и потребовать объяснений.

Почему он про нее забыл? Почему его нет рядом?

Удивительно, она и подумать не могла, что будет ждать его звонка, что будет вспоминать о его руках, губах, о его наглых и властных приказах, от которых она, как оказалось, сразу же готова была растекаться лужицей под его ногами.

Целую неделю она от него ничего не получала: ни слова по телефону, ни буквы в СМС-сообщениях. С той самой ночи, где она помогала прийти в себя Маше, а потом почти уже днем Герман отвез ее домой. И все… он пропал.

Сначала она просто завалилась спать, ни о чем не думая, так как Герман отпросил ее на целые сутки с работы. А потом, когда вечером он ей не позвонил и не появился, даже вздохнула с облегчением, что ночью сможет еще отдохнуть, а завтра пойдет на работу.

И в больнице на следующий день Лина действительно чувствовала себя прекрасно, настолько, что даже согласилась подежурить сутки и остаться еще на день.

Пока работала и занималась обычной рутиной, даже вроде и не думала о Германе. Или, по крайней мере, подавляла любые мысли об этом мужчине. А когда выдавалась свободная минута отдохнуть, то все же ловила себя на мысли, что вроде и не хотела бы его увидеть. И даже радовалась, что он про нее забыл. Ведь именно об этом она и мечтала?

Но вот ведь странная женская душа. Каким-то образом этот мужчина умудрился туда пробраться – и всего за несколько дней.

Лина упорно гнала всю неделю от себя мысли о Германе. И буквально заставляла себя радоваться, что он о ней забыл. Правда, веселье от этого получалось каким-то искусственным и натужным. В принципе, она другого и не ожидала. Она таким, как Герман, не нужна. Лина даже при всем желании не сможет удержать подобного мужчину рядом. Не ее уровень играть в его игры. Он хищник по натуре, а Лина скорее травоядное. И ему нужна рядом такая же жестокая хищница. Герман же сожрет Лину и даже не заметит, пойдет дальше охотиться и играть в свои странные игры уже с другими глупышками. Как он развлекался с Линой, сбивая ее с толку, и теперь она пыталась заставить себя просто забыть и не думать больше о нем.

Хорошо, что работа здорово помогала ей отвлечься. Да еще и адвокат позвонил и напомнил о себе и своём очередном гонораре.

Лина копила деньги и уже перевела ему их на счет, но он затребовал больше, объясняя траты какими-то государственными пошлинами. И Лине пришлось взять дополнительные ночные смены. Благо было у кого брать. Не всем медсестрам было необходимо пахать сверхурочно. В итоге за всю неделю дома она была только один раз, а жила в клинике.

Душ есть, столовая есть, даже поспать урывками получалось – часа два-три между сменами, иногда днем. И поэтому она практически жила на работе.

А что делать? Адвокату не заплатишь – он и пальцем не пошевелит, а так хоть что-то делает или пытается делать. Хотя Лина уже давно не верила, что этот мужчина на самом деле даже появляется в суде – или где он там должен появляться? Порой отчаяние настолько охватывало ее, что она уже хотела попытаться действовать какими-нибудь незаконными методами, но у нее просто не было таких знакомых, и она понятия не имела, как их найти и где. У кого спрашивать?

Объявление в газете подать?

«Кто готов вывезти ребенка из Германии, плачу наличными».

Вот только где найти таких сумасшедших?

А тут еще и Герман со своими играми заставил ее о чем-то мечтать. Как-то умудрился забраться в душу… Нет, Лина не исключала, что это могла быть обычная похоть. У нее несколько лет не было мужчины, а тут такой умопомрачительно охренительный секс, от которого она ощутила давно забытую эйфорию. Это будто ломки после наркотической дозы, и ее организм теперь требует еще и еще. И поэтому надо просто переждать, перетерпеть, и все пройдет. Наверняка пройдет…

К концу недели Лина вымотала себя настолько, что готова была зарыдать от отчаяния. Все-таки хронический недосып сильно сказывался на ее психике. Да и появление мужчины в ее жизни, как оказалось, не прошло для нее просто так.

Хорошо хоть, старшая медсестра, заметив круги под ее глазами и уставший взгляд, заставила ее съездить домой и отдохнуть хотя бы сутки.

А Лина, пока ехала домой, пропустила свою станцию, так как уснула, и ей пришлось возвращаться, а потом еще долго торчать на остановке и ждать свою маршрутку.

Добравшись до дома почти в одиннадцать вечера, она, еле волоча ноги, зашла на свой этаж и открыла дверь. Тетя уже спала, и Лина постаралась вести себя как можно тише, но проклятый телефон, который она забыла поставить на беззвучный режим, заставил ее дернуться от страха.

– Черт! Надо менять звонок, – пробормотала она в который уже раз за пять лет, с тех пор как купила телефон. И шепотом, все еще переживая за сон тети, ответила: – Да?

– Здравствуй, Лина, – раздался в трубке смутно знакомый мужской голос.

– Здравствуйте? А вы кто? – Сняв кроссовки, Лина прошла на кухню и открыла холодильник.

– Мое имя Михаил Юрьевич, мы встречались с тобой в доме Влада Лисовского, за столом, где Герман представлял тебя своей девушкой, я дядя Влада.

Лина резко выпрямилась, прикрыла холодильник и, развернувшись, оперлась на него спиной. Почему-то в душе зародилась какая-то непонятная тревога за Германа, а ноги подкосились и стали ватными.

– Да, помню. Что-то случилось? – уже громче спросила она дрогнувшим голосом.

– Да нет, ничего особенного, просто хотелось узнать, не звонил ли тебе Герман сегодня?

– Нет, – автоматически пожала плечами она и нахмурилась.

– Точно? Может быть, ты не заметила? Ты же на смене была.

– Точно, у меня телефон всегда в кармане, он мне по работе часто нужен, – ответила Лина, все сильнее и сильнее ощущая неясную тревогу в душе. – С ним что-то случилось? Я могу помочь?

– Хм… – неопределенно хмыкнул Михаил в трубку. – Вообще-то случилось кое-что, но вот так по телефону я не могу говорить, давай ты выйдешь из подъезда, и мы пообщаемся.

– Но… вы когда подъедете? – Слегка замешкавшись, Лина посмотрела на старые настенные часы.

– Я уже у подъезда, выходи, девочка.

– Ладно, – ответила она уже в пустоту, так как Михаил сбросил вызов.

Лина со смешанными чувствами смотрела на телефон. Тревога за Германа только усилилась в разы, раз к ней приехала такая важная персона. Как Лина поняла, Михаил Юрьевич был далеко не последним человеком в доме Лисовского, потому что даже сам Владислав Викторович невольно слушался его.

Вновь одевшись, Лина пошла на улицу.

У подъезда стояли целых три большущих черных джипа. Михаил Юрьевич вместе с несколькими мужчинами встречал ее прямо у двери.

– Идем, поговорим в машине, – сразу подхватил он девушку под локоток и повел к открытой двери.

На улице было уже настолько темно, что Лине показалось, будто внутри машины, куда ее пытался усадить Михаил, была черная дыра, и на несколько секунд у нее возникло чувство, что если она сейчас сядет туда, то эта черная дыра поглотит ее навсегда.

Но через мгновение это чувство развеялось, так как сработала автоматика, и салон озарился мягким теплым светом.

Михаил помог ей забраться на высокую подножку машины и слегка подтолкнул внутрь, а потом залез сам и закрыл дверь. Ни один из мужчин не последовал за ними.

– Ты не бойся, я тебя не обижу, – тут же сказал Михаил, увидев немного напуганный взгляд девушки, – я только пришел поговорить.

Лина настороженно кивнула, усаживаясь на кожаное сиденье напротив своего собеседника.

– Я слушаю, – смущенно пробормотала она.

– У нас кое-что в семье случилось, в общем… – Михаил немного нервно улыбнулся или даже усмехнулся и, отведя взгляд, почесал затылок небрежным жестом. И тем самым сразу же развеял весь свой вид официального серьезного мужчины в деловом костюме. – Ты, наверное, скоро из новостей узнаешь. В общем, Герман с Владом немного повздорили, и Герман куда-то исчез. Но вот беда: поганец еще и ранен.

– Сильно? – вскинулась Лина от неожиданности, расширяя свои и так не маленькие глаза.

– Думаю, что сильно, крови много было, – пожал плечами Михаил и пытливо посмотрел Лине в лицо. – Он точно к тебе не обращался?

– Нет, – покачала головой Лина, ошарашенная новостью, и тоже посмотрела в глаза Михаилу. – Так вы не знаете, где он? А если он истек кровью? Или где-то без сознания? Он с кем уехал? – начала она забрасывать мужчину вопросами, чувствуя, как от страха за Германа скрутило все ее нутро, а к горлу подкатился липкий комок.

– Уехал один, и мы не знаем, где он, – развел руками Михаил.

– Боже, – прикрыла она рот ладонью, еле сдерживая всхлип.

Глаза у Лины увлажнились, и от этого Михаилу показалось, будто вместо глаз у девушки на бледном лице два водяных озерца, сияющие кристальной синевой.

Он пересел на ее сиденье, придвинулся к ней ближе и осторожно положил свою мозолистую руку на ее плечо.

– Ну-ну, все наверняка обойдется, ты не переживай так сильно. И самое главное, послушай меня. – Чтобы привлечь ее внимание, он двумя пальцами взял Лину за подбородок и слегка приподнял его. – Как только он появится у тебя, так ты сразу мне звони. Вот, я тебе специальный телефончик дам. – Убрав руки от лица девушки, он вытащил очень старой модели кнопочный телефон и вложил в ее ладонь. – Тебе надо просто его включить, и даже ничего не говорить, а мы сразу же приедем к тебе, главное – держи его при себе, в заряженном состоянии. И вот, зарядное устройство. – Он достал из другого кармана зарядку и тоже вручил ее Лине. – Хорошо?

Лина не сразу поняла, что от нее требует мужчина, поэтому просто крутила в руках старый телефон и зарядное устройство к нему. Но когда до нее дошло то, о чем он ее попросил, то она резко вскинулась и уставилась на Михаила со злостью в глазах.

– Вы что, хотите, чтобы я стучала на Германа? – процедила сквозь зубы она.

Глубоко вздохнув, дабы не сорваться на бестолковую девчонку, Михаил призвал все свои силы, чтобы быть предельно корректным и не напугать эту дурынду, которая, по всей видимости, влюбилась в Германа.

– Послушай меня, моя хорошая, – мягко улыбнулся он Лине, – никто не просит тебя на него стучать. Ты просто нажмешь на вот эту кнопочку, – он указал пальцем на кнопку сбоку

телефона, который Лина сжимала в руках с такой силой, что тот уже почти хрустел, – когда Герман появится, и все, мы приедем и заберем его. Ничего плохого мы ему не сделаем.

– Нет, – Лина попыталась вложить телефон с зарядкой в руку мужчины и начала подниматься, – я не собираюсь стучать на Германа, и будьте добры, выпустите меня, я хочу домой.

– Подожди. – Михаил скрипнул зубами и дернул девчонку обратно на сиденье с такой силой, что не рассчитал, и она упала и больно ударилась головой об дверь машины. А телефон с зарядным устройством вывалился у нее из рук на пол салона.

– Твою ж мать! – выругался он. – Что ж ты хлипкая такая, малявка!

Михаил метнулся к мини-холодильнику и выудил из него пакетик со льдом.

– На, возьми, приложи быстро, пока шишка не появилась, – попытался он сунуть растерянной девушке в руку пакетик, но та опять от него шарахнулась. – Твою ж мать, да что ж такое-то, – процедил сквозь зубы мужчина и неожиданно резко схватил Лину таким образом, что она и не заметила, как оказалась лежащей на сиденье машины, а Михаил стоял рядом на полусогнутых и удерживал пакет со льдом у ее головы.

Лина вскрикнула от резкого холода и боли, растекающейся в голове, и попыталась вывернуться, но Михаил держал очень крепко.

– Да хватит уже! – прикрикнул он на нее. – Не собираюсь я тебя тут убивать! Твою шишку надо убрать! Прекрати уже вырываться, иначе я не знаю, что с тобой сделаю, глупая девка!

Лина притихла после последних слов мужчины и автоматически всхлипнула от страха.

– О, японский городовой, – пробормотал мужчина и, взяв руку Лины, положил ее на пакет со льдом. – Держи крепко! – опять рыкнул он и отсел от нее подальше.

Лина, почувствовав, как исчезла хватка рук Михаила, сразу же выпрямилась на сиденье и затравленно посмотрела на него.

– Успокоилась? – процедил он, зло смотря на девушку, будто не он ударил ее, а она сама только что напоролась на его руку. Лину почему-то разозлило поведение и злость мужчины, и эта эмоция хоть немного, но привела ее в чувство, смыв панический страх. И она даже смогла слегка кивнуть, так и не убирая руку от холодного компресса на голове.

– Ну слава те хосподи! – рассеянно махнул рукой Михаил. – Ну и напугала ты старика. – Он достал из кармана платок и вытер выступившие бисеринки пота со лба.

– Оно и заметно, – не выдержав, нервно хмыкнула Лина и тут же скривилась от головной боли.

Мало того, что она и так была очень уставшая, так тут еще и такой стресс. Она все это время думала, что Герман забыл про нее, а он сейчас где-то раненый… Да еще и этот мужчина просит ее его предать.

– Ой, только не говори, что не поняла, что я случайно тебя толкнул? – раздраженно уставился на нее Михаил, а Лина заметила, что его искусственный глаз слегка сместился и смотрит в другую сторону.

Она передернулась мысленно от жуткого зрелища и, опустив глаза, тихо ответила:

– Я поняла, что вы случайно, но можно же и поосторожнее.

– Я прошу прощения, – выставил вперед ладонь Михаил в примирительном жесте, – никогда еще не поднимал руку на женщин.

Лина скептически приподняла бровь.

– Вот те крест, – усмехнулся Михаил и даже перекрестился, правда, левой рукой и двумя пальцами. После этой нелепой попытки изобразить из себя верующего Лина не удержалась и усмехнулась, отчего Михаил еще больше разозлился. – И вообще, чего это я тут перед тобой еще обязан оправдываться? – рыкнул он. – Я пришел, собственно, предложить тебе помощь. Я слышал, у тебя ребенка отобрали.

После этой фразы Лина тут же подобралась всем телом и, исподлобья сверкнув на Михаила своими синими глазами, обратилась вся вслух. И, кажется, даже дышать стала через раз, чтобы не упустить ни одного слова.

Михаил мысленно обрадовался. У каждого человека есть цена. У кого-то деньги, а у кого-то материнские инстинкты. И это очень хорошо, особенно в его ситуации. Потому что он первым должен найти этого идиота, ведь если его найдет Влад, то, возможно, Михаил не успеет спасти его шкуру.

– Так вот, – продолжил он, нагибаясь и собирая с пола телефон и зарядное устройство, – если ты поможешь мне с Германом, то я помогу тебе с сыном, подумай об этом, Лина. – И, наклонившись, Михаил сунул ей прямо в карман куртки телефон, но на этот раз Лина уже не стала шарахаться от него. – Когда он появится, – продолжил он, возвращаясь на сиденье, – тебе нужно просто его включить, кнопка находится сбоку, она там одна, мимо палец не проскочит. Просто включить – и все, мы сами тебя найдем, а потом я помогу вернуть тебе твоего ребенка.

Лина какое-то время смотрела на мужчину напротив, даже забыв о своей головной боли. Можно ли ему верить? Можно ли играть в их игры? А что, если они ей не помогут, а сделают только хуже? Что, если, доверяя сейчас этому мужчине, она навсегда лишится возможности увидеть когда-нибудь своего сына?

Будто подслушав мысли девушки, Михаил выдохнул и, чуть наклонившись вперед, тихо, но достаточно уверенно заговорил:

– Послушай меня, девочка. Если ты думаешь, что Герман действительно способен дать тебе какое-то будущее, то это не так. Не обманывайся на его льстивые речи. Я знаю этого мальчика очень много лет. Тебя он привел для того, чтобы поиграть в свои игры. Но он не будет с тобой долго, он уже про тебя забыл. Ты лишь пешка в одной из его многочисленных игр. Он по жизни одиночка, и если надобность в тебе отпадет, то он от тебя избавится, как от ненужного балласта. – Выдохнув и слегка переменив позу, он продолжил: – Кроме того, если ты думаешь, что я ищу его, чтобы причинить какое-то зло, то напрасно. Это семейное дело. Я скажу тебе строго по секрету, об этом не знает никто, но я просто хочу, чтобы ты мне доверяла, поэтому раскрываю тебе эту тайну. Герман мой двоюродный брат и родной дядя Владислава Лисовского. Понимаешь? Это семейное дело, он исчез, но нам надо срочно его найти. И мы ни за что не причиним ему вреда, я повторюсь, это семейное дело. Я когда-то поклялся своему дяде – Лисовскому-старшему, что в случае, если найду его сына, сделаю все возможное, чтобы он выжил. И буду охранять его и защищать ценой собственной жизни. Ты не представляешь, как его жизнь важна для меня. Он и Влад – это единственное, что осталось у меня, у старика, и эти два охламона – моя семья, я никогда не сделаю им ничего плохого, понимаешь меня, девочка?

Увидев выступившую слезу на единственном здоровом глазу мужчины, Лина поняла, что он не шутит. И ей ничего не оставалось сделать, кроме как просто кивнуть.

– И я клянусь тебе, что сделаю все возможное, чтобы вернуть тебе твоего сына, если ты поможешь мне, – добавил Михаил, и Лина опять поверила его словам.

– Хорошо, – дрожащим голосом произнесла она, – если он появится, то я включу телефон.

Лина тут же отвела свой взгляд, понимая, что, возможно, этим ответом превратила себя в предательницу.

– Ты не предаешь его, Лина, – опять будто прочитал ее мысли Михаил, – ты помогаешь и ему, и себе этим поступком.

Ночью, лежа в постели, Лина долго размышляла над всей этой ситуацией.

То, что говорил ей Михаил Юрьевич, – это ведь была чистая правда. Лина для Германа была пешкой в его странной игре, она это сразу поняла и почувствовала. Он действительно создавал ощущение одиночки и вряд ли захотел бы завести какие-то длительные отношения.

А еще у нее появится более-менее реальный шанс вернуть наконец-то сына. Она ведь и так уже хотела найти кого-то, кто, возможно, не совсем законно, но все же сможет ей помочь.

Но вся эта ситуации была такой гадкой и отдавала невыносимо пахнущим гнильем, что Лина невольно ощущала, как в душе разливалась кислота от неправильности её решения. И хотелось встать с кровати, взять молоток и расколотить чертов телефон, который жег ее карман, пока она шла домой после встречи и разговора с Михаилом Юрьевичем.

Лина никогда не была предательницей. Потому что прекрасно знала, что это такое, когда тебя предают. Еще в детстве родители поклялись ей, что вернутся, но так и не вернулись, потому что погибли. Да, они не виноваты, но для ребенка это было самым настоящим предательством, ведь она осталась совершенно одна во всем мире. Уж лучше бы взяли ее с собой в тот другой мир, но они бы остались вместе и не бросили ее. И если бы не тетя, то неизвестно, что бы случилось с Линой дальше и смогла бы она выжить.

А потом был ее муж. Тот, кого она любила больше собственной жизни, тот, кого она боготворила и на кого надышаться не могла, отобрал ее ребенка и вышвырнул в совершенно незнакомой стране из дома.

И она во второй раз на своей шкуре прочувствовала это гадкое и полностью сокрушающее чувство. Убивающее какие-либо хорошие эмоции к человеку.

И получается, что она подписалась стать такой же, как и ее муж, как и ее родители. Чертовой предательницей.

И не было никакой разницы, за что предает она. Родители – потому что погибли, муж из-за денег и положения в обществе, а Лина из-за сына…

И она этой разницы не ощущала, а чувствовала только лишь запах гнилой горечи, заполняющий все ее нутро. Хотелось встать, еще раз пойти и как следует помыться в душе, расчесать мочалкой кожу до крови, чтобы заставить исчезнуть этот ужасный запах предательства с ее кожи.

Когда Лина проснулась после тяжелой ночи, ей показалось, что болела каждая клеточка ее организма. Еле заставив себя встать с постели, она, как древняя старуха, пошаркала в ванную, по пути увидев в коридоре записку от тети, которая уже давно ушла на работу, не став будить племянницу.

Вздохнув, Лина добралась-таки до ванной и заставила себя залезть под душ. Она не любила складывать на тетю всю домашнюю работу, поэтому хотела посвятить день уборке квартиры. Вот и не стала разлеживаться весь день. Да и пока она чем-то себя занимала, концентрируясь на механически движениях, Лина надеялась избавиться от тяжелых мыслей, которые даже во сне не оставляли ее в покое.

Убравшись дома, она пошла на помойку вынести мусор. Возвращаясь, опять встретила соседку с собакой, та что-то рассказывала ей, и Лина отстранённо слушала и автоматически где-то кивала, пока соседка не начала сообщать кое-что необычное.

– Вот я и говорю: машина-то знакомая, все стоит и стоит у сто пятьдесят второго дома и не уезжает. Мне Степановна-то рассказывает, что за машина, я пошла сегодня посмотреть и номер-то сразу и узнала. Ну и говорю Степановне, что это ж Линкин мужик, его машина-то. И, похоже, он там, в машине-то, и сидит.

Она прервалась и внимательно посмотрела Лине в глаза.

– Он все еще там стоит? – дрогнувшим голосом спросила Лина.

– Так я и говорю, мы же со Степановной-то…

Дальше Лина не стала ее слушать и, сказав «спасибо», побежала к сто пятьдесят второму дому.

Спустя несколько минут она уже стояла и смотрела на знакомый автомобиль. Подойдя ближе и заглянув в окно, она поняла, что Герман опустил сиденье и спит или просто лежит с закрытыми глазами.

Лина нашарила телефон в кармане и уже хотела нажать на ту самую кнопку, о которой ей вчера говорил Михаил Юрьевич, как Герман открыл глаза.

Глава 4

Герман облажался по-крупному.

Он и сам не понимал, какого хрена он так вспылил и зачем выдал себя раньше времени, но то, что он услышал от Лисовского… Это его пренебрежительное: «Разберешься потом с этим наследником как-нибудь, устроишь ему маленький несчастный случай, да и все», – будто последняя капля, капнувшая в и так уже переполненный сосуд его терпения, заставила этот самый сосуд не просто пролиться, а буквально взорваться.

Неделя после пропажи Мировой выдалась очень напряженной. Поиски не давали положительных результатов. Герман впервые был поражен, что его обставили. Мало того, что старый гэбэшник придумал отвратительный план, и все это практически за спиной Германа, так теперь еще и Влад срывался на него, будто это он все затеял, а не его любимый дядюшка.

Герман весь город в полон[1] взял, чтобы понять, куда могла пропасть Мирова, но следов, как назло, не было. Она будто исчезла. Провалилась в другое измерение, мать его! Ни одной гребаной зацепки. Ни-че-го!

Покинула больницу ночью вместе с каким-то неизвестным. Хотя каким – стало понятно уже позже. Оказывается, Герман сам нанял его в тот самый раз, когда Влад в очередной раз менял охрану. Как раз в тот день, когда он впервые встретил Мирову на бензозаправке, а потом весь мозг ему выел, чтобы он ее нашел.

«Ну надо же, блядь, какое совпадение!» – мысленно матерился Герман, каждый раз узнавая все новые и новые факты об этой парочке.

Его имя было Алексей Владимирович Суржиков. Но Герман уже понял, что все документы оказались липовыми, точнее, документы-то как раз были настоящими, так как Суржиков когда-то существовал и действительно работал в охранном агентстве, правда, каким-то, блядь, хитрожопым переводом из подмосковного города Люберцы. Вот только когда Герман съездил в маленький городок и показал фото, его никто не узнал.

Настоящий Суржиков уехал в Москву несколько месяцев назад, так как перевелся в главный офис их фирмы. И, естественно, выглядел совершенно иначе. Но в главный офис в Москве охранного агентства уже явился лже-Суржиков с его документами.

Родителей у него не было, поэтому друзья решили, что он просто зазнался, вот и не звонит им. А оказалось, что парень вообще пропал без вести. И хрен даже труп его где теперь найдешь, учитывая то, как чисто работает этот самый лже-Суржиков.

Стоило Герману увидеть труп на лестнице, сомнения отпали. Этот лже-Суржиков – настоящий профи. И это ни хрена не радовало Германа. Ведь получалось, что этот кто-то несколько месяцев проработал в доме под его началом, а Герман даже и не понял, что этот ублюдок – засланный казачок.

Блядь… сколько раз он мог убить Лисовского?

Миллион, помноженный на миллион разных способов!

То, что он узнал о Мировой, тоже изрядно удивило Германа. Все же, как ни крути, опять он был виноват, что вовремя не посмотрел видео. Хотя, учитывая то, что Мирова делала свои вылазки именно в те моменты, когда лже-Суржиков дежурил в комнате видеонаблюдения, оно и понятно, что Герман не смог бы заметить его.

И выходило, как ни крути, что херовый из него начальник службы безопасности. И, конечно же, Влад сказал ему об этом чуть ли не сотню раз, когда все это выяснилось. И не забывал напоминать каждый день. Герман скрипел зубами, но понимал, что Влад прав. Он недо-

[1] В полон – устар. плен, неволя.

смотрел. Хотя у него тоже было оправдание. Он же, блядь, сам говорил Лисовскому, что опасно так часто менять личную охрану. Вот и результат! Толком не удалось всех проверить до конца.

Естественно, к концу недели Герман кипел от ярости и злости из-за того, что так налажал.

И тут ему еще и Лисовский под конец такой новостью шарахнул прямо в лоб. Оказывается, Влад умудрился выкопать гроб своей подружки из детства, которой оказалась сама Мирова, а там он вместо ее тела нашел послание с того света.

Герман прочитал письмо Лисовского-старшего и откровенно удивился.

Из письма он узнал, что Геннадий его искал. И искал много лет. А Герман верил все эти годы, что это он сдал его в детский дом.

А теперь выходило, что все то, во что он верил, было херней собачьей.

И более того, его отец оставил ему в наследство третью часть своей империи.

Герман понимал ход мыслей старика. Видимо, он знал, как одержим Влад той рыжей девчонкой, вот и смог оставить только лишь третью часть. Да и Герман тупой идиот: вместо того чтобы верить письмам, что писала его мать, на какой-то непонятный хрен, он мог бы просто поговорить с отцом много лет назад.

Но нет… он поступил по-другому… Он поступил по-дебильному!

Он, как полный дурак, придумал целую стратегию по уничтожению Лисовского, подбирался к нему поближе, входил в доверие, мечтал когда-нибудь отомстить.

За что?!

Когда Герман прочитал послание своего отца, ему показалось, что все это нереально. Герман не мог поверить, что он такой дебил, что все эти годы он мог просто подойти к Лисовскому-старшему и поговорить. И вся его жизнь уже давно была бы другой.

Однако Влад вернул его на землю, сказав всего одну фразу:

«Разберешься потом с этим наследником как-нибудь, устроишь ему маленький несчастный случай, да и все».

И он взорвался.

Герману надо было бы успокоиться, прийти в себя, подумать как следует, что ему делать дальше. Но он услышал от Лисовского, что тот не собирается отдавать хоть кому-то свою империю, и более того, даже приказал самому Герману решить этот вопрос уже позже, когда появится настоящий наследник.

И получалось, что Герман должен убить сам себя?

Было бы на самом деле очень смешно, если б ситуация не была такой дерьмовой.

Вот он и не выдержал.

Психанул.

И вот результат.

Герман и сам не понял, что случилось. Вот он стоит перед Лисовским, что-то ему орет о том, что он и есть тот самый наследник, и спрашивает с едкой улыбочкой на лице у Влада: «Это я себе должен устроить несчастный случай?» А вот он уже видит, как свирепеет на глазах Лисовский и нападает на него, а Герман, конечно же, бьет в ответ.

Все произошло в считаные мгновения. Будто разум у начальника службы безопасности помутился.

Герман и сам не понял, когда в руках у Лисовского оказался пистолет. И он выстрелил.

Но надо отдать ему должное, бил не на поражение, а чтобы просто обезвредить.

Сильная вспышка боли, и Герман понял, что надо бежать.

Выбив пистолет из руки Лисовского, он рванул к своей машине и, прыгнув за руль, дал по газам.

Задержать из охраны его никто не посмел. Они вообще, кажется, ничего не поняли, просто стояли столбом и смотрели, не решаясь влезать в их разборки с Лисовским.

Да и Лисовский тоже не сразу понял, что делать, и даже не стал командовать, чтобы Германа задержали. А может, просто был не уверен, что есть в этом смысл. Возможно, решил, что они на него сейчас нападут. Герман бы подумал именно так. Благо все это произошло у главного офиса, а не где-нибудь у дома, оттуда Герману было бы сложнее выбраться.

Но вот ведь какая хрень: все близкие люди Германа сейчас были на объектах, а этих молодчиков отобрал сраный гэбэшник, как будто предчувствовал, что Герману нельзя доверять. А может, старый прохвост уже все давно знал?

Герман не исключал и такой возможности.

Добравшись до своей старой тойоты, он сменил машину и решил пока никому из своих не звонить.

Он не знал, может ли кому-то доверять. Да и рану надо было перевязать, чтобы тупо не сдохнуть от потери крови.

Сменив машину, перевязав рану и напившись антибиотиков с обезболивающими, он поехал куда глаза глядят. Пока и сам не понимая, что делать. Ему надо было просто успокоиться. Пересидеть где-нибудь. Выстроить новую стратегию. Ведь он теперь тоже один из владельцев империи. Его мечта сбылась, а он чуть было все не похерил. А может, уже и похерил?

Как он оказался в этом дворе, он и сам не понял. Знал, что лично к ней ехать опасно, но в одном из дворов все же решил остановиться.

Провел целую ночь в машине, а утром увидел ту самую старушку, от которой когда-то, как ему показалось, в прошлой жизни, он забирал Лину на свидание.

Маленькую мышку, с которой он не виделся целую неделю.

Было глупо к ней ехать, Герман понимал, что в первую очередь его будут искать у нее. Поэтому он и не стал даже ей звонить. Однако понял, что эта самая старушка наверняка ей доложит.

И Герману оставалось лишь ждать. Вот он и ждал. Хотя уже думал, что, скорее всего, Лина ведь может быть на смене и тупо не встретится с соседкой, и решил для себя, что если она до вечера не появится, то он уедет.

А она появилась. Как всегда, в этой своей ужасной уродливой дешевой куртке, потертых джинсах, старых кроссовках и с тревогой в огромных синих глазах.

Она стояла и смотрела на него через стекло.

Герман резко сел и тут же начал цепко осматривать двор.

Дверь он открывать пока не спешил, опустив стекло, он тихо спросил у девушки:

– Ты одна?

– Да, – дрогнувшим голосом ответила Лина и сама осмотрелась по сторонам.

– Быстро на заднее сиденье и сразу же ложись, – скомандовал ей Герман и открыл замок.

Услышав щелчок, ни о чем не думая, Лина сделала все так, как и сказал Герман. Всю дорогу она лежала, почти не шевелясь. Сначала она хотела с ним поговорить, но Герман будто понял это и включил громкую музыку. И поэтому Лина решила, что все вопросы задаст ему позже.

Герман же сосредоточил свое внимание на дороге, он торопился. Обезболивающее скоро закончится, и ему станет хреново, поэтому надо было добраться до тайной квартиры. Там было все: и обезболивающее, и запасы еды на длинный период, и оружие. Вот теперь и Линка тоже с ним будет, заодно поможет с раной разобраться. Главное – это проверить, нет ли за ними хвоста. И поэтому Герману пришлось кружить по городу, чтобы запутать следы.

Лина и сама не поняла, как ее укачало, и она даже при громкой музыке все же задремала. Очнулась она от тихого голоса Германа. Резко открыв глаза, она села и посмотрела на него.

Герман был очень бледным, а все его лицо лоснилось от пота – признак высокой температуры. Лина вспомнила, что он ранен, и с тревогой начала осматривать его, пытаясь понять, где рана.

– Как ты, что случилось? Ты бледный, – так же тихо спросила она, вглядываясь в мутный взгляд мужчины.

Герман стёр испарину со лба, чувствуя, что еще немного и просто отключится прямо в машине.

– Надо выходить, мне понадобится твоя помощь, я сам не смогу, – тихо ответил он. – Квартира находится на первом этаже, номер семнадцать. – Он кивнул на подъезд, и только после этого Лина поняла, что они стоят возле обычной пятиэтажки еще хрущевских времен. – Аптечка на кухне, – продолжил Герман, – я ранен, пулю надо вытащить, там, в аптечке, все есть. Поняла?

Лина кивнула:

– Да, все поняла, выходим?

– Да, помоги мне выбраться из машины.

– Конечно, – ответила она и, выйдя из машины, открыла дверь с водительской стороны.

Герман и правда был очень слаб, он практически не держался на ногах. Ей с горем пополам пришлось чуть ли не волоком вытаскивать его из машины. Потом были подъезд и дверь, которую она кое-как открыла, пришлось Германа привалить к стене, но на ногах он не удержался и съехал, сев прямо на пол.

Открыв замок, Лина обернулась, помогла встать Герману и войти внутрь квартиры. Захлопнув дверь и быстро скинув с себя верхнюю одежду, она увидела, что Герман опять оседает на пол. Лина успела прижать его к стене, а затем практически на себе, подставив плечи под его руку, потащила по коридору в первую попавшуюся комнату, надеясь, что там есть хотя бы диван. Но ей повезло больше, это оказалась спальня. Увидев огромную двуспальную кровать, она дотащила его до нее и из последних сил помогла лечь.

Усевшись прямо на пол рядом с кроватью, после такой тяжелой работы Лина дышала как паровоз, пытаясь понять, что ей дальше делать.

– Герман, – позвала она мужчину, но он уже даже глаза не открывал. – Герман! – громче крикнула она, испугавшись.

– Ап… течку, – тихо выдохнул он, чувствуя, как силы покидают его.

– Да-да, конечно, сейчас, – кивнула Лина и, встав, побежала искать медикаменты.

Обшарив все шкафы на кухне, она, наконец, нашла то, что нужно. Черную сумку с красным крестом было сложно пропустить.

Открыв ее, она сразу же увидела упаковку со стерильными хирургическими инструментами, много лекарств, антисептики, обезболивающие, стерильные перчатки, бинты и даже кровоостанавливающую губку. В общем, все, что нужно для лечения огнестрельного ранения. Не совсем стандартный набор, который имеется дома у простого обывателя, но удивляться было некогда.

Лина действовала на автомате, она практически не задумывалась ни о чем. В ее голове появились знания, которые она когда-то учила наизусть, – «Первая помощь пострадавшим от пулевых ранений». Нет, пулю она пока не надеялась вытащить, но все же попробует это сделать. Если та, конечно, не застряла где-нибудь в жизненно важных органах. Но Лина постаралась пока об этом не думать. Паниковать раньше времени – это гиблое дело для любого медика. Беспокоиться она будет позже, а сейчас соберет задницу в горсть и сделает все возможное, выжмет из своих мозгов все, что помнила, хоть никогда в жизни и не имела дела с пулевыми ранениями. Один год в меде и несколько лет практики простой медсестрой не в счет.

Взяв сумку, она пошла в комнату. Стараясь не торопиться и как можно осторожнее, чтобы не причинить боли, она начала снимать с Германа верхнюю одежду: ботинки и куртку. Он слегка напрягся, приоткрыл глаза, но, увидев Лину, тут же расслабился и закрыл глаза вновь.

«Значит, он еще в сознании, – поняла Лина, – просто очень слаб».

– Герман, если ты меня слышишь, моргни, пожалуйста, два раза, – попросила она его и увидела, как веки мужчины опускаются и поднимаются два раза. – Хорошо, – вымученно улыбнулась она, – ты мне нужен в сознании, я ведь не знаю, где тебя ранили.

Герман опять два раза моргнул и, подняв руку, накрыл ладонью свой левый бок выше тазовой кости примерно сантиметров на пять, но, видимо не рассчитав силы, надавил сильнее, чем нужно, и тут же его лицо искривилось от боли.

– Потерпи чуть-чуть, я посмотрю, а потом обезболю, – сказала Лина, осторожно убирая ладонь мужчины от раны.

Не дожидаясь какого-либо ответа, она тут же начала поднимать его свитер, благо тот не был заправлен в брюки мужчины.

На боку была плотная повязка, которая вся уже пропиталась кровью.

Лина нахмурилась. Это плохо, что рана на боку: неизвестно, какие органы могли быть задеты. Сбегав и помыв руки, она надела перчатки и, осторожно отлепив повязку, осмотрела рану. Лина мысленно выдохнула: судя по расположению, задета была мышца живота. Пуля прошла почти по касательной, но выходного отверстия не было, значит, застряла где-то внутри. Взяв шприц и набрав в него обезболивающее из ампулы, она закатала рукав свитера Германа и сделала ему укол в мышцу. Конечно, лучше бы его усыпить полностью, но Лина не была уверена, что сможет это сделать правильно.

Через пятнадцать минут она, вновь помыв как следует руки в ванной и подготовив для себя все инструменты и медикаменты, надела уже новые перчатки и, опрыскав кожу вокруг раны и саму рану ледокаином, начала действовать.

Отринув любые эмоции, она вспоминала теорию.

– Кровь… главное – контролировать кровопотерю, – пробормотала она перед тем, как взять в руки длинный хирургический пинцет.

Приложив кровоостанавливающую губку к ране, она осторожно пинцетом начала искать пулю. Слава богу, она нашлась очень быстро, и никаких опасных последствий визуально Лина не обнаружила. Лишь разорваны внутренние ткани мышц, отсюда и крови так много. Однако, конечно же, полной уверенности у нее не было. Разорвав на мелкие кусочки коллагеновую саморассасывающуюся губку, она вложила ее прямо внутрь раны, надеясь, что она уже доделает всю остальную работу: и остановит внутреннее кровотечение, и поможет с регенерацией тканей. Лишь бы аллергической реакции не случилось.

– Надо бы в больницу к нормальному хирургу, я ведь могу чего-нибудь не заметить или неправильно сделать, – сказала она, увидев, что глаза Германа приоткрыты.

Но мужчина, сделав над собой усилие, покачал головой и тут же закрыл глаза.

– Понятно, – выдохнула она и, убрав лишнюю кровь и обработав рану антисептиками, принялась ее зашивать.

После пары стежков Лина наложила новую губку и закрепила ее повязкой.

Убрав все медикаменты обратно в сумку и выкинув лишнее в мусор, она опять ушла в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Стоило Лине помыться, как она вдруг поняла, что чувствует себя так, будто марафон пробежала в несколько километров. Все же тяжелая рабочая неделя плюс то, что ночью она так и не выспалась, переживая за Германа, давали о себе знать. Эмоциональная и физическая усталость так резко навалились на нее, что она, не выдержав, только и успела добрести до той же большой кровати, на которой лежал уже уснувший Герман, и осторожно прилегла с краю.

«Только чуть-чуть подремлю», – подумала она и тут же провалилась в глубокий сон, будто её кто-то по голове ударил и выключил сознание.

Очнулась Лина от грохота. Резко сев на постели, она увидела, как в комнату забегают несколько мужчин, и все с оружием.

Герман тоже попытался встать, но зарычал, так и не сумев подняться. Он был еще слишком слаб.

– Герман, не кипятись, не надо оружия, мы пришли с миром, – сказал один из мужчин, и Лина, наконец-то стряхнув сонную негу, узнала в нем Михаила Юрьевича.

Она автоматически посмотрела на Германа и увидела в его руке пистолет.

– Ты же понимаешь, что всех не уложишь, а рискуешь просто погибнуть. Уйти ты тоже не в состоянии, так что давай опускай оружие, я не собираюсь хоть как-то навредить тебе, – продолжил свою речь мужчина и, кивнув всем остальным, громко отдал приказ: – Всем спрятать оружие! Не стрелять!

Все тут же послушались приказа Михаила и стали убирать оружие, с опаской косясь на пистолет Германа.

– Зачем пришел? – хриплым голосом спросил Герман, а Лина увидела испарину у него над губой и на лбу. Он придавил пистолет рукой к кровати, но палец со спускового крючка так и не убрал.

Лина плохо разбиралась в оружии, единственное, что она поняла, так это то, что к стволу пистолета был прикреплен глушитель.

– Я за тобой, глупый мальчишка, тебе в больницу надо.

– Лина зашила мне рану, – ответил Герман.

– Конечно, – кивнул Михаил, медленно подходя к креслу, что стояло напротив кровати, – но она медсестра, а тебе нужны хирург и нормальный уход. – Он обернулся и посмотрел на нескольких мужчин, что, словно хищники, ждущие сигнала вожака, окружили кровать. – Всем выйти.

Один из них попытался что-то сказать, но Михаил даже голову не повернул в его сторону, и мужчины медленно по одному, не спуская глаз с кровати, покинули комнату.

– Герман, – начал Михаил, дождавшись, когда дверь закроется за последним, – когда-то давно, перед смертью дяди Гены, твоего отца, я поклялся жизнью, что если найду его сына, то из кожи вон вылезу, но защищу его интересы, как и интересы Влада. Вы для меня одинаковы: что ты, что он. Я буду обоих вас защищать до самой смерти, если надо, то и ценой собственной жизни. И я здесь и сейчас клянусь тебе, что не допущу, чтобы Влад вздумал от тебя избавиться, как, впрочем, и не дам тебе избавиться от Влада.

Закончив свою речь, Михаил замолчал. А Герман тем временем сверлил его взглядом, пытаясь понять, врет сейчас он или просто хочет обойтись малой кровью. Продавать свою шкуру задешево Герман не хотел, если уж будут убивать, то он хотел бы на тот свет утащить за собой как можно больше народу. Единственный человек, о возможной смерти которого он сожалел, так это была Лина. Она здесь совершенно ни при чем, это он впутал ее, попросив о помощи.

С другой стороны, Герман понимал, что если бы хотели убить, то убили бы сразу, как только вошли, не разговаривая.

Но ведь и Михаил тот еще перестраховщик. Возможно, у него есть какой-нибудь многоходовый план в загашнике. И убить Германа он всегда успеет, использовав в своих играх. По крайней мере, сам Герман на его месте так бы и сделал. А если припечет, то потом потихому все же завалить. Как там сказал Влад – «устроить маленький несчастный случай».

– Я знаю, ты не хочешь мне доверять, – опять заговорил Михаил, видя скепсис во взгляде двоюродного брата. – Да и не заслужил я твоего доверия за эти годы, но поверь, парень, если бы я знал, кто ты такой, я бы с самого начала уже занимался твоей защитой, а не подковёрной игрой. Не спорю, я давно мечтал убрать тебя подальше от Влада, еще когда вы были сопливыми

пацанами и только-только встретились. И я пытался много раз это сделать, но Влад всегда упирался, так как ты не раз доказывал ему свою верность, и отвергал любые мои попытки. Но теперь, когда я узнал, кто ты такой, считай, что я полностью на твоей стороне.

Герман не шевелился и продолжал молча смотреть на Михаила.

– Послушай, парень, ты не представляешь, что значит для меня семья. Ты и Влад – у меня больше никого не осталось, ты ведь знаешь о том, что все погибли тогда, еще при том старом покушении, когда Влад был ребенком. Я тогда многое пережил, сам чудом остался в живых и всех своих потерял. Когда я вернулся и решил защищать твоего отца и Влада, я же тогда думал, что у меня больше никого нет, кроме этих двоих. А теперь вот есть ты… Давай, Герман, не дури, убирай оружие, и я отдам приказ, чтобы тебя отправили в больницу. И если хочешь, сам лично буду сторожить, чтобы Влад не вздумал натворить глупостей.

Лина все это время так же, как Герман, старалась не двигаться. Она прекрасно понимала, что ничем не сможет ему помочь, разве что навредить.

Мужчины оба молчали несколько минут, напряженно смотря друг другу в глаза. Казалось, что в комнате даже воздух застыл от этой звенящей тишины.

Но первым отмер Герман, он кивнул Михаилу:

– Хорошо, я согласен.

После этих слов Лина выдохнула и, нашарив ладонь Германа на постели, тихонечко сжала ее. Перехватив руку девушки и даже не смотря в ее сторону, Герман стиснул ее в ответ. И эта тихая поддержка друг друга отдалась в их душах чем-то теплым, будто перышком мягким изнутри кто-то погладил.

– Ну и хорошо, – улыбнулся дядя Миша своей кривой улыбкой и, хлопнув себя ладонями по бедрам, резво поднялся с кресла. – Сейчас позову ребят с носилками, и тебя заберут.

В комнату зашли трое мужчин. Лина узнала одного из них, это был хирург из больницы Лисовского – Константин Дмитриевич. Встав с кровати, она сразу же рассказала врачу все, что знала о ране Германа.

Лина вышла первой из комнаты и в коридоре быстро накинула свою верхнюю одежду. Она собиралась ехать на скорой вместе с Германом, чтобы в больнице убедиться, что ему ничего не грозит.

Германа уже вынесли на носилках в коридор, и Лина даже не заметила, как к ней приблизился Михаил и громко сказал:

– Вот спасибо тебе, девочка, хорошо, что позвонила.

Он резко нырнул в карман ее куртки и вытащил оттуда старый телефон, о котором она давно и думать забыла.

Лина была настолько сосредоточена на Германе и его ранении, пытаясь вспомнить, все ли она сказала хирургу, что даже не сразу поняла, о чем говорит Михаил, а тот уже начал вытаскивать пачку денег из своего кармана.

От громкого голоса новоявленного родственника Герман резко открыл глаза и посмотрел на Михаила, а точнее, на то, как он вытаскивал из куртки Лины телефон, а затем перевел взгляд на нее.

– Держи, заработала, – протянул деньги Михаил растерянной девушке и вложил прямо в ее руки. Лина от неожиданности сжала пальцы.

Вот только Герман со стороны увидел совсем другую картину, и Лина поняла это только лишь тогда, когда повернула голову и посмотрела в его глаза.

– Сучка, – рыкнул он, с ненавистью смотря Лине в глаза. Он попытался встать с носилок, но сил не хватило, и Герман повалился назад, еще громче зарычав от безысходности и злости. А затем тихо добавил с трудом соображающей Лине: – Лучше уноси ноги из города.

Лина выронила деньги и хотела уже подойти к Герману, чтобы попытаться объяснить, но Михаил удержал ее за локоть, а мужчины, с неодобрением косясь на нее, быстро понесли носилки в уже открытую входную дверь.

– Отпустите меня! – попыталась крикнуть Лина, но голос от волнения как специально не послушался ее, и получился лишь невразумительный писк.

А Михаил резко прижал девушку к себе и еле слышно прошептал ей на ухо:

– Надо было послушаться меня и сделать, как я просил.

Лина хотела дернуться, но Михаил ее тут же выпустил, и она от неожиданности запуталась в собственных ногах и повалилась на четвереньки. Пока она поднималась, Германа на носилках уже вынесли в коридор, а дверь закрыли.

Михаил наклонился и, подняв пачку стодолларовых купюр с пола, опять попытался вручить их Лине. Но та шарахнулась от него и побежала за Германом.

Вот только из квартиры ее не выпустили, в проеме встал еще один мужчина, не давая ей пройти.

Лина хотела закричать, но стоило ей набрать воздух в легкие, как Михаил закрыл ей рот ладонью.

Лина царапалась, брыкалась, пыталась вырваться из рук мужчины, но, на ее удивление, он оказался невероятно сильным и удерживал ее без проблем.

Услышав, как отъехала скорая, Михаил отпустил уже плачущую девушку.

– Зачем! – обернувшись, закричала она на Михаила. Лина поняла, что уже не успеет догнать машину. – Зачем вы это сделали?! Он же теперь думает, что я его предала!

– Держи деньги, глупая, – холодно усмехнулся Михаил, – и поехали, я отвезу тебя домой.

Лина взглянула на мужчину с брезгливостью.

– Не нужны мне ваши деньги, – тихо сказала она и посмотрела на дверь, – и довозить до дома меня не надо, я как-нибудь сама доберусь.

– Не глупи, они тебе нужны.

Михаил попытался засунуть пачку в карман девушки, но та начала яростно сопротивляться.

– Ладно, замолкни! – рявкнул он на нее и, схватив за локоть, повел на выход.

Лина опять попыталась закричать, но Михаил вновь закрыл ей рот ладонью и надавил на сонную артерию. Девушка сразу же отключилась и обмякла в его руках.

Глава 5

Михен угрюмо смотрел в чашку с латте, пристально изучая рисунок, виртуозно созданный для него мастером бариста. Это была влюбленная парочка, тянувшаяся друг к другу за поцелуем. Силуэт девушки даже приподнял одну ногу вверх, слегка согнув ее в колене. А над головами парочки расходились в разные стороны мелкие сердечки.

Рядом плюхнулся на табуретку Лисовский, как всегда, злой и какой-то весь взмыленный.

– Что это за романтическая херня? – уставившись в чашку друга, недовольно пробурчал он.

Михен усмехнулся: Влад терпеть не мог все эти, как он выражался, «сюси-пуси» и даже кофе пил только черный, да еще и без сахара, лишь бы мастер бариста тоже не подсунул ему какой-нибудь очередной шедевр. Хотя эти ребята даже в пенке от кофе умудрялись что-нибудь нарисовать.

– Кофе черный, без сахара и без всяких этих ваших рисуночков, – чуть ли не прорычал он на девушку, что с улыбкой подошла за заказом. – А то кофе даже нормально не дают попить, я же не баба, в конце концов!

– Что-нибудь еще? – с улыбкой, не доходящей до глаз, спросила опешившая официантка.

– Пепельницу!

– Окей, пять минут, господин Лисовский, – пискнула испугавшаяся плохого настроения клиента девушка и скрылась с глаз.

Этот ресторан был закрыт для простых смертных, сюда приходили завтракать, обедать и ужинать только постоянные ВИП-клиенты. Все служащие четко выучили для себя одно самое важное правило: в случае, если у клиента плохое настроение, вина всегда падет на нерадивых официантов. Поэтому лучше скрыться с глаз долой, чем навлекать на себя гнев власть имущих.

Но, даже учитывая то, что Махачутуряна и Лисовского все знали здесь в лицо, все равно приходилось звонить и предупреждать о своем приходе заранее. Потому как иногда даже утром это заведение закрывалось на «спецзаказ».

– Ну, рассказывай, – не смотря на Влада, безэмоциональным голосом произнес блондин. – Как ты до жизни такой докатился.

Лисовский мрачно усмехнулся, доставая сигарету из платинового именного портсигара и небрежно бросая его на стол. Этот портсигар он делал на заказ в знаменитом французском ювелирном доме несколько лет назад. Взглянув на него, Влад не смог сдержать насмешливой ухмылки. Так как в деталях вспомнил, как он носился с этим портсигаром и какую круглую сумму за него выложил. В те времена у было не так уж и много денег. Ведь он начинал как обычный клерк после университета, а дед прекратил выделять ему наличные, как только Влад начал работать в компании. Правда, из дома не выгонял, есть в домашней столовой тоже разрешал, как и пользоваться личным водителем. А все остальное Лисовский уже мог позволить себе только за собственный счет. И тогда ему казалось, что если у него будет этот портсигар, то его будут уважать все коллеги и воспринимать всерьез, а не подсмеиваться над нерадивым внуком, пристроенным на работу, лишь бы под ногами не мешался. Это позже он понял, что все эти побрякушки ничего не значат, имеют значение только лишь грубая сила и медвежья хватка, а все остальное – это так… антураж и внешний лоск.

Но предаваться воспоминаниям о непростом прошлом можно бесконечно, а отвечать на вопрос лучшего друга нужно сейчас.

– Ты меня сейчас как друг спрашиваешь или как внук Махачутуряна? – спросил Влад, прищурившись и подкуривая сигарету.

Михен устало вздохнул и, взяв чашку, отпил латте, безвозвратно разрушая силуэты влюбленной парочки из пены.

– Влад, ты же знаешь, я всегда был твоим другом. Может, хватит уже быть таким засранцем? Я ведь тоже не железный, могу и обидеться, – сказал он, поставив чашку на стол и сверкнув недовольным взглядом на Лисовского.

Возле столика появилась официантка, позволяя мужчинам помолчать и подумать о том, что, когда они были простыми студентами, жить было намного проще и между ними подобных разговоров о недоверии не было.

Как только девушка ушла, тихо пожелав им приятного времяпровождения, Влад выдохнул едкий дым и начал рассказывать все новости своему другу. Он старался говорить только о фактах, используя при этом как можно меньше эмоций. Но Михен и так прекрасно понял, как вляпался его друг в рыжую чертовку по имени Мария, да, оказывается, еще и вляпался он в нее практически в нежном младенческом возрасте. Правда, любовь свою выражал в свойственной только лишь одному Лисовскому манере.

– М-да… ну ты даешь, брат, – выдохнул Михен, вчитываясь в строки завещания на копии документа, что отдал ему Лисовский.

– И да, сын моего деда нашелся – это Герман, мой начальник СБ, – сказал Влад, делая вид, что ему все фиолетово, и отвел взгляд от ошарашенного новостью Михена.

– Ты так спокойно об этом говоришь? – удивленно произнес блондин, а его брови поползли вверх.

– А что мне делать, по потолку бегать? – складывая губы в циничную ухмылку и скидывая истлевший пепел с сигареты в пепельницу, произнес Лисовский. – Убить я его попытался, но, как назло, этот ушлепок успел улизнуть, а дядя теперь сидит у его койки и охраняет, как цербер.

– Ты пытался его убить? – шепотом переспросил блондин.

Казалось, глаза Михена не могут стать больше после всех новостей, что вывалил на него Лисовский, но нет, он просто недооценил всю мощь насыщенной жизни своего друга. А еще он даже не представлял, как на это отреагирует его дед. Михен всегда считал Германа верным псом Лисовского. Нет, он никогда не думал о нем как о какой-нибудь шестерке, готовой в рот заглядывать хозяину. Начальник СБ Лисовского за годы службы заслужил уважение, но… то, что он являлся на самом деле родственником Влада… Да, это, конечно, было той еще новостью.

– Да, – ответил Влад, туша сигарету с такой силой, что казалось, он хочет прожечь ей не только пепельницу, но заодно и стол, и даже пол в ресторане. – И мне хотелось бы увидеться с твоим дедом. Хочу лично ему сообщить все новости, а также планы.

– Хорошо. Я с ним поговорю, – на автомате ответил блондин, все еще находясь под впечатлением.

– Спасибо, брат.

Влад почувствовал себя немного лучше. Особенно после всего того, что случилось. Дядя поразил его своей выходкой, защищая Германа. И Лисовский впервые почувствовал себя не уверенным в своих решениях и практически преданным единственным родственником. Хотя нет, теперь не единственным.

– Да не за что, ты же знаешь, я всегда на твоей стороне, – отмахнулся Михен.

Они помолчали какое-то время, разглядывая подводных жителей в большом окне-аквариуме, что находился напротив их столика.

– А ты сам как? – Влад посмотрел на необычно хмурого и молчаливого друга.

Раньше Михен начал бы шутить и поднимать ему настроение, позвонил бы своим девочкам и предложил Лисовскому развлечься, но сейчас его друг почему-то молчал и вообще выглядел будто повзрослевшим.

– Да как-то… – запнулся Михен, вспоминая об Ангеле и их ухудшающихся с каждым днем отношениях. – Даже не знаю.

– Та психованная подруга Маши, – кое-как вспомнил Влад сумасшедшую, которая почти бросалась на него в драку в его же кабинете, – она все еще у тебя?

– Она не психованная! – вдруг взъярился Михен и раздраженно посмотрел на друга. – Она просто пыталась защитить свою подругу так, как умела это делать.

Влад тут же выставил обе ладони вперед.

– Эй-эй, полегче, брат… Я не хотел ее оскорбить, я просто удивился тогда тому, как отчаянно она себя вела, я же не знал, что ты так сильно на нее запал. Прости, друг, – покаянно произнес он, удивляясь поведению блондина.

Сколько он знал Михена, тот никогда не обращал внимания на женщин. Все они были для него товаром и средством заработка. Все ВИП-персоны в городе знают, у кого есть чистые обученные девочки. Красивые содержанки, знающие свое место. И, конечно, было непривычно, что его друг потерял голову от обычной хабалистой тетки. По крайней мере, именно такой она запомнилась Владу. На лицо, может, и симпатичная, но за всей ее неотесанной внешностью и огромными глазищами, метающими искры, он ее красоты и не заметил.

Михен весело усмехнулся на слова друга. Он ведь действительно запал. Просто сам этого пока еще не осознал, а вот Влад сказал – и он понял, что да… действительно запал, да еще как, и понятия не имеет, как выбраться из этой западни по имени Ангелина.

Посмотрев на рыб за стеклом, он поднял руку и постучал по аквариуму пальцами. Стайка золотистых барбусов с черными точками по бокам тут же отреагировала на этот стук, а может, на мельтешение руки и, подплыв к стеклу, начала тыкаться в то место, где были пальцы мужчины.

– Ты знаешь, что у них там за стеной находится огромный резервуар с водой, во всю эту стену, почти до потолка, в несколько десятков кубометров. – Михен окинул взглядом большую стену ресторана. – И у них в штате есть специальные люди, которых наняли для чистки аквариума и ухаживания за рыбами. – Блондин поднял руку и, загнув большой палец и мизинец, показал Владу оставшиеся три пальца. – Три человека! Представляешь? Блин, это ж сколько они денег за эту работу им платят, это же нужно три ставки в штатное расписание вставлять, не говоря уже о стоимости самого аквариума и каждой рыбки в нем…

– Хочешь у себя такой же сделать? – спросил Влад и сделал глоток горького, но невероятно ароматного кофе.

– Я смотрю вот на этих рыбок, – продолжил Михен, не обращая внимания на слова друга и наблюдая за стайкой рыб, что так и продолжали своими носами ударяться об стекло, – и мне кажется, что я такой же, как они. Она мне помаячила, и я теперь тыкаюсь носом и ни хрена не могу пробиться.

– Возьми молоток и разбей к чертям собачьим эту стену, – ответил Влад, пожав плечами, понимая, о чем, а точнее, о ком говорит его друг.

– Если я разобью эту стену, то стекло лопнет, а из-за давления столь большого количества воды, скорее всего, даже взорвется. Я пораню ее, сам поранюсь и останусь без воды, потому что она вся хлынет в ресторан, и я вместе с ней.

Влад достал из портсигара новую сигарету, подкурил ее и сделал еще один глоток из чашки.

– Значит, замани ее к себе в аквариум.

– Она не приспособлена к водной среде и может задохнуться и погибнуть, а я хочу, чтобы она жила.

– Сделай ей операцию, пусть ей вставят жабры. Что, у тебя денег, что ли, мало? – улыбнулся Влад.

– Деньги не проблема, ты же знаешь, – слишком серьезно произнес Михен на иронию друга, – вот только она не согласится на эту самую «операцию».

– Значит, сделай операцию себе, поменяй жабры на легкие, выйди из аквариума и подойди к ней с другой его стороны, – многозначительно усмехнулся Лисовский.

Михен перевел на него удивленный взгляд.

– Что за забористую траву ты сегодня курил, друг? – произнес он и, оскалившись в белозубой улыбке, подмигнул.

Влад не стал поддаваться на подначивание блондина, который по привычке попытался все свести к шутке, и только лишь неопределенно покачал головой.

– Ты же знаешь, я всегда использую любые возможные варианты в достижении своих целей.

Улыбка с лица блондина исчезла, и мужчины опять оба замолчали, рассматривая подводных жителей, которым надоело тыкать носами в стекло, и вся стайка уже переключилась на поиск чего-то съестного на дне.

Наблюдать за этими существами можно было бесконечно, но и о насущных проблемах тоже надо было поговорить.

– Дед захочет пообщаться с Германом, – сказал Михен, разрывая своим голосом напряженную тишину.

– Пусть общается, – пожал плечами Лисовский, опять делая вид, что ему наплевать. Однако за безмятежным взглядом Влада Михен без проблем разглядел целое цунами из эмоций и порадовался, что его друг умеет скрывать их от всех, при этом еще и холодно рассуждать. Но, конечно же, скрыть от Махачутуряна свои настоящие эмоции Влад не мог, они знакомы слишком долго, чтобы блондин мог поверить в актёрскую игру друга.

– А какие у него планы, он вообще на что настроен-то?

– Дядя говорит, что он настроен вступить в права наследования и принимать решения в управлении компании, а еще он не желает покидать свой пост начальника Службы Безопасности.

– Но ведь ты теперь не можешь ему доверять, – автоматически ответил Михен.

– Дядя говорит, что могу.

– М-да? – приподнял одну бровь блондин. – А ничего, что он прямой наследник Лисовского, а ты только лишь внук, да еще и Машка твоя здесь затесалась?

– Насчет Маши вообще можно не переживать, она моя женщина, – жестко произнес Влад, тем самым давая понять другу, что эта тема закрыта. На что Михен скептически прищурился, но Лисовский, не обращая внимания на его мимику, продолжил: – И дядя говорит, что Герман прекрасно все это понимает, однако он еще и осознает, что поддержки у него пока очень мало. И вообще, вроде бы хочет помириться со мной и не желает конфликтовать.

– Ты ему веришь?

– Я? – Владу вдруг стало невероятно смешно. – После того, как он столько лет знал, что является сыном старого гондона, и молча терпел мои приказы, а порой откровенные издевательства? Неужели ты думаешь, что после всего этого я могу ему верить?

– Но ведь ты понимаешь, что в связи с активностью Солейко тебе придется смириться с Германом, хотя бы сейчас, – с нажимом ответил Михен.

– Понимаю, я же не дебил совсем конченый, – рыкнул Влад и, посмотрев на часы, начал вставать. – Мне надо ехать, буду ждать от тебя звонка.

Убрав портсигар в потайной карман пиджака, Лисовский протянул руку, и Михен пожал ее в ответ.

– Тебя подвезти?

– Нет, – качнул головой блондин. – Я посижу, у меня еще одна встреча.

– Ладно, давай, брат, а я побежал.

Проводив взглядом Лисовского, Михен сфотографировал на сотовый документы, что передал ему Влад, и отправил на почту юристу Махачутуряна-старшего – своего деда. А с самим родственником он переговорит сегодня вечером, только через защищенный видеоканал связи.

Через несколько минут рядом со столиком появился еще один мужчина.

– Здравствуйте, Михен Валерьевич, вы хотели меня видеть?

Мужчина протянул руку для пожатия.

– Да, Артем Викторович, у меня возникли проблемы с Ангелом, и я совершенно не знаю, что мне делать, – вздохнул Михен, готовясь к очередному сеансу психоанализа.

– Рассказывайте, – произнес мужчина, садясь за столик, вытаскивая из кармана блокнот с ручкой и надевая очки.

– Ну, слушайте, – весело усмехнулся Михен, уже привыкший к манере общения с психологом. – Сначала я действовал так, как вы и говорили, попытался раскрыться перед ней, и в первый день мне удалось даже кое-что узнать о ее жизни. Но на следующий день Гелю будто подменили. Она решила устроить мне практически полный игнор. Молча слушала и никак не реагировала на мои слова, будто меня вовсе и не было. И только лишь когда услышала о разговоре с дочерью, оживилась. Я разозлился и на следующий день, когда пришел к ней, сказал, что за разговор с дочерью она должна прекратить меня игнорировать.

– И она, конечно же, начала поддерживать беседу, – неодобрительно покачал головой психолог.

– Да, – опустил глаза вниз Михен, чувствуя, как ему становится не по себе от взгляда мужчины, – но лучше бы уж и дальше игнорировала. Она вела себя будто робот. Искусственная улыбка, искусственный интерес, и только лишь в разговоре с дочерью ее взгляд менялся и улыбка становилась не натянутой, а радостной. – Он вздохнул, наблюдая за тем, как делает какие-то пометки у себя в блокноте врач, и продолжил: – А дальше стало только хуже. Нет, она не устраивает мне истерики, она разговаривает со мной и всегда отвечает на мои вопросы, даже задает наводящие, когда я ей что-то рассказываю, но…

– Но ведет себя не естественно и постоянно напряжена, – закончил за Михена Артем Викторович.

– Да, – кивнул Михен.

– Мне нужно вам что-то объяснять или вы уже сами поняли свою ошибку? – ровным голосом произнес психолог.

Михен взъерошил свои волосы и посмотрел в аквариум, на мимо проплывающего рюкина, сплющенные бока которого отливали красным золотом, а пушистые плавники и хвост – желтым.

– Понял, теперь понял, – выдохнул он, – вот только как теперь исправить то, что в очередной раз сорвался, – не знаю.

Психолог отодвинул блокнот и пристально посмотрел на своего клиента.

– Михен Валерьевич, я хочу, чтобы вы сейчас закрыли глаза и представили то, что я буду вам говорить.

Михен скептически приподнял свою бровь. Но, видя серьезное лицо врача, все же вздохнул и подчинился.

– Хорошо, а теперь я хочу, чтобы вы расслабились. Откиньтесь на кресло, чтобы не чувствовать дискомфорта. – Михен подчинился, откинулся в кресле, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. – Отлично, – продолжил психолог, – а теперь представьте себя на месте Ангелины. Себя, прикованного к кровати, лежащего на вытяжке, вынужденного ходить под себя

в туалет и по-маленькому, и по-большому. Вы вынуждены мыться только с помощью медсестры. Вы не можете встать и пройтись, потому что ваша нога в тисках. Вы не можете повернуться на другой бок, вы не можете бегать, заниматься спортом. А еще вы зависите полностью от воли другого человека, которого практически не знаете, но который требует от вас общения, да еще и каждый раз шантажирует общением с близким человеком. При этом вы считаете, что, возможно, ваш близкий находится в опасности.

– Она не в опасности! – вдруг взорвался Михен и открыл глаза, со злостью смотря на доктора, но тут же поймал себя на мысли, что ему безумно хочется сейчас сходить в спортивный зал и вовсю оторваться на тренажерах. А еще ему захотелось вообще просто выйти на улицу и куда-нибудь идти, нет, не так, не идти, а бежать!

– Она этого не знает, – спокойным голосом сказал психолог, не менее спокойным взглядом смотря на блондина. – Она видит лишь то, что на поверхности. То, что чувствует изо дня в день, и то, что говорите ей вы. Она не может читать ваши мысли.

Михен вдруг вскочил со стула и заходил рядом со столиком. Время утреннее, и ресторан почти пуст, поэтому на его движения никто не обратил внимания, кроме разве что мастера бариста, что за стойкой готовил свой очередной шедевр.

А Михен чувствовал, как в груди поселился какой-то жесткий комок, который даже дышать ему толком не давал. Все то, что сейчас сказал психолог, – все это он представил и почувствовал на себе: беззащитность и безысходность. Вот что чувствует каждый день Ангел, общаясь с ним, находясь в его доме. И, понимая это, Михен ощутил себя настоящим дерьмом.

Спустя пару минут он вернулся на свое место и впился взглядом в психолога.

– Что мне делать? – рыкнул он, сжимая руки в кулаки под столом.

– Во-первых, вы должны запомнить все те чувства и ощущения, что сейчас испытали, чтобы каждый раз, видя Ангелину, понимать, что она чувствует, – начал Артем Викторович.

Михен тут же нетерпеливо кивнул.

– Уж поверьте, вы мне дотошно сейчас все объяснили, что еще?

– Может быть, мне вмешаться и поговорить с ней? Возможно, так мне было бы проще вам давать советы, а то ведь сами понимаете, я работаю с вами вслепую… – продолжил доктор, но Михен не дал ему договорить и прервал:

– Исключено. Еще варианты.

Артем Викторович закрыл блокнот, прицепил к нему ручку, убрал в потайной карман на своем сером пиджаке и поправил очки в золотой оправе.

– Что ж, тогда вам придется пробовать несколько вариантов и действовать по обстоятельствам. Первый вариант – вообще не трогать ее и не мельтешить у нее перед взором до ее выздоровления, но по вашим глазам я вижу, что это не ваш случай. Второй вариант – находиться рядом с ней круглосуточно, но прекратить с ней разговаривать, пока она первая не начнет с вами контактировать.

– Как это круглосуточно? – нахмурился Михен.

– Очень просто, – пожал плечами психолог. – Перенесите кровать в ее комнату и ночуйте вместе с ней. Перенесите письменный стол, ноутбук – и что вам там нужно для работы – и работайте прямо в ее комнате. Вы ведь можете позволить себе руководить по телефону хотя бы оставшиеся две недели?

Немного подумав, Михен неуверенно кивнул.

– Только не вздумайте на нее давить, просто делайте вид, что для вас это ничего не значит. И еще: если ей не понравится или она будет вас стесняться в тот момент, когда она будет заниматься личной гигиеной, то лучше временно выходите, а потом вновь возвращайтесь.

Михен недоверчиво хмыкнул.

– Не пойму, и что это даст?

– Любую реакцию. Она может заговорить первой, разозлиться, накричать, возможно, даже заплакать. Но в любом случае маска, которую она на себя надела за эти дни, должна треснуть, учитывая темперамент Ангелины. Сомневаюсь, что нахождение двадцать четыре часа в сутки в одном помещении с одним и тем же человеком ей понравится.

– Но тогда она еще сильнее меня возненавидит? – непонимающе спросил Михен.

– Если вы поведете себя грамотно, если не будете на нее давить, угрожать, а попробуете выслушать и поддержать, то ее ненависть сменит свою полярность.

– Значит, мне нужно ждать, когда она заговорит первой?

– Именно, – кивнул врач.

– Что ж, – улыбнулся блондин, – этот вариант мне подходит больше. Но предупреждаю, что буду часто вам звонить.

Артем Викторович сдержанно улыбнулся в ответ своему не совсем обычному клиенту.

Распрощавшись с психологом, Михен, не теряя времени, позвонил своему помощнику и распорядился о том, чтобы в комнату Гели внесли дополнительную кровать для него, а также офисный стол.

– Будем неприступную крепость брать измором, – нервно усмехнулся он, входя в собственный дом.

Глава 6

Геля наивно полагала, что сможет справиться. Да, с болью ей почти удалось совладать. Почти… По ночам обычно было совсем хреново, а днем-то вроде нормально. И у нее даже получалось улыбаться дочери и терпеть этого лощеного ублюдка. Но она и не предполагала, насколько он изощренно будет издеваться над ней. К такому она точно не была готова. Этот гад поселился в ее комнате и целыми днями маячил перед глазами. Слава всем богам, что хотя бы на время процедур по личной гигиене сваливал. Но потом-то возвращался!

И ей приходится делать вид, что все хорошо. Днем она еще могла его выдерживать. Но по ночам… по ночам становилось особенно тяжко. Обычно именно ночью Геля позволяла себе поплакать, накрывшись подушкой, пожалеть себя от души. Но теперь… у нее даже ночью не оставалось на это времени.

Да, можно было дождаться, когда он уснет, когда его дыхание станет более глубоким, а потом тихонечко поскулить. Но она понимала, что он ведь мог и притвориться. А она не имела права дать слабину.

Геля твердила себе это каждый день, искусственно улыбаясь и здороваясь с этим подонком.

Одно радовало: он хотя бы перестал докапываться до нее с разговорами, а просто занимался своими личными делами. Постоянно с кем-то болтал по телефону или что-то печатал на своем ноуте. А самое отвратительное – его стол стоял боком, и он в любой момент мог просто слегка повернуть голову и посмотреть на нее.

Геля впервые поняла, что чувствуют канарейки или попугаи, сидящие в клетках. Постоянно на виду, под пристальным взглядом.

Для нее это оказалось самым тяжелым испытанием.

Она надеялась лишь на то, что ему просто надоест. Или у него появятся какие-нибудь срочные дела. Но эти чертовы дела не появлялись все никак.

Один день, два… три, четыре, пять… Ничего не менялось. Михен так и продолжал сидеть в ее комнате. Разве что по утрам уходил в спортзал, а потом появлялся полуголый, весь потный, сексуальный, зар-р-р-раза, и шел в душ.

Геля сама уже не замечала за собой, как стала провожать краем взгляда его голую мускулистую спину в ванную. И в ее голове иногда всплывали воспоминания о том единственном их трахе на столе. Да… занятием любовью у нее язык не поворачивался назвать то, что произошло тогда. Это был трах – похотливый, грязный, страстный трах на чертовом кухонном столе. И, видя каждый день полуголого красавчика перед глазами, Геля волей-неволей возвращалась к тому, что между ними было. Он ведь тогда даже не разделся, просто расстегнул свою ширинку и поимел ее своим огромным членом. Зато ее умудрился раздеть полностью. То, что член был огромным, она еще долго помнила, так как внутри все саднило, но от этого она чувствовала какое-то странное удовлетворение на физическом уровне. Похожее на нечто сродни глубинным инстинктам. «Тебя поимел сильный самец… Ого-го, это круто!» – примерно так чувствовал ее организм, в отличие от разума. В голове Геля ругала себя последними словами, что позволила этому гаду с собой такое сделать, да еще и постоянно об этом вспоминала, даже сейчас, хотя уже и времени столько прошло.

Эта картина так и стояла у нее перед глазами: голая, потная, с раскинутыми ногами, лежащая на столе, пока ее имеет практически незнакомый мужик. Что это, как не помутнение рассудка?

От этих воспоминаний Геле становилось особенно хреново. Так как кровь вскипала в венах и предательским комком стекалась в низ живота. Боль в ноге уходила, но вот боль

между ног из-за неудовлетворённости, наоборот, стала преследовать ее все чаще и чаще. Особенно когда блондин маячил перед глазами.

Геле казалось, что она скоро рехнется от искусственных улыбок, дежурных фраз и неудовлетворенности. Единственным светом в окошке была Инга. С ней она общалась постоянно, да еще и порой по три раза в день.

Об этом Михен всегда сам начинал заговаривать, что удивительно.

Геле даже стало казаться, будто он что-то понял и таким образом пытается загладить свою вину за тот шантаж. Но она тут же гнала от себя эти крамольные мысли. Стоит поверить, стоит расслабиться, и он ударит. Нельзя поддаваться на его невинную красивую мордашку. Геля ведь не дура? Она много информации почерпнула из разговоров с ним. И поняла, что Михен та еще акула. В бизнесе у него хватка будь здоров. Да и волей-неволей подслушанные телефонные разговоры тоже многое сказали ей о ее тюремщике. Может, с виду он и кажется эдаким простым мажором, родившимся с серебряной ложечкой во рту, а на самом деле ни фига он не мажор. Он хищник. По повадкам – кот. Но не из крупных пород, скорее средний. Еще молод. Поэтому и действует по большей части мягко. Долго сидит в засаде, караулит жертву. Или вообще может делать вид, что жертва ему неинтересна, он тут на солнышке вышел погреться.

Благо Геля могла иногда отвлекаться от этого хищника и играть в компьютер. Жаль только, выхода в интернет у нее не было. Иначе через «Стим» Геля могла бы попробовать связаться со своими знакомыми игроками и попросить их временно забрать Ингу себе, потому что Маша так и не откликнулась.

Геля покосилась на блондина, который так увлеченно что-то печатал в своем ноуте, и подумала: может, узнать у него о Маше? Вдруг она все еще у Лисовского и у нее сейчас тоже нет возможности вырваться? Она только хотела открыть рот, как прозвенел телефон блондина. Посмотрев на номер, он нахмурился и, тут же взяв его, вышел из комнаты.

Геля медленно выдохнула сквозь стиснутые зубы. Видимо, само провидение отталкивает ее от разговора с блондином.

Да и сомневалась она, что он скажет ей правду.

Через несколько минут Михен вошел в комнату с озабоченным видом и, быстро пройдя к столу, начал торопливо складывать ноутбук в сумку.

Геля, сама того не осознавая, ощутила легкую тревогу. Она прикусила себе щеку изнутри, лишь бы не задать вопрос, что же случилось, что у Михена такой взгляд.

Он уже подошел к двери, как неожиданно резко обернулся и посмотрел на Гелю.

– Мне нужно будет уехать по делам, скорее всего, на пару дней, это очень срочно, Гель. Приезжает мой дед, мне нужно будет устроить ему встречу по бизнесу, это очень важно. Но я постараюсь как можно быстрее освободиться и, возможно, даже забегу, чтобы ты смогла пообщаться с Ингой.

Геля даже рот приоткрыла от удивления: она и не знала, что он будет перед ней отчитываться, а Михен быстро подошел к кровати, нагнувшись, нежно поцеловал ее в щеку и прошептал прямо в губы:

– Не скучай.

Геле показалось, что этот легкий поцелуй обжег ее щеку и ударил в мозг с такой силой, что его напрочь встряхнул, и вместо того, чтобы почувствовать омерзение, она ощутила возбуждение.

Дверь хлопнула, Михен ушел, а Геля еще долго старалась стереть со своего лица печать, оставленную мужчиной. А потом пыталась заставить себя успокоиться, но у нее никак не получалось. Мозг каждый раз подсовывал только самые возбуждающие сцены с участием блондина вместо того, чтобы помнить о том, какой он подонок…

Геля настолько накрутила себя, что в итоге возбуждение переросло в сильное раздражение и даже злость на саму себя и свои дурацкие чувства, и, не выдержав, она позорно разрыдалась, накрыв лицо подушкой.

Пять дней она не позволяла себе расслабляться, пять дней она заставляла себя быть начеку. И вот результат – истерика. И очень сильная истерика. Странно было то, что сознание Гели будто раздвоилось, и, с одной стороны, она прекрасно понимала свое состояние, но с другой – остановить поток слез не могла. Будто поцелуй, да и обещание того, что Михен, наконец, оставит ее в покое на целых два дня, открыли тот самый «кран», отвечающий за ее слезы и все скопившиеся эмоции, вот только напор был настолько высок, что «кран» сорвало. И как бы Геля ни пыталась остановиться и прекратить истерику, как бы ни увещевала и ни уговаривала себя мысленно, выходило только хуже и хуже.

Организм позорно предавал ее. Геля же не робот, она живая. Боль в ноге, хоть и не такая уже и сильная, плохой сон по ночам из-за этих болей и невозможности принять более удобное положение и, конечно же, тюремщик, который практически двадцать четыре часа в сутки сидит с ней в комнате, не давая ей возможности расслабиться. Все это каждый день копилось, откладывалось где-то в подсознании девушки, а сейчас начало выплескиваться с такой силой, что снесло все ее внутренние блоки, которые она выстроила для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.